

ВАЛЕНТИН
ПИКУЛЬ

БАРБАРОССА

Валентин Пикуль

**Барбаросса. Роман-
размышление. Том 2**

«ВЕЧЕ»

1990

Пикуль В. С.

Барбаросса. Роман-размышление. Том 2 / В. С. Пикуль —
«ВЕЧЕ», 1990

ISBN 978-5-4444-8863-8

«Барбаросса». Последний, так и не законченный роман В. Пикуля, которому предстояло стать первым томом грандиозной дилогии о Великой Отечественной войне «Площадь Павших борцов». Сталинградская эпопея под гениальным пером Пикуля предстает не просто подвигом, совершенным советскими воинами, но – «сплетением стратегии с политикой», событием, «влияние которого сказалось во всем мире».

ISBN 978-5-4444-8863-8

© Пикуль В. С., 1990

© ВЕЧЕ, 1990

Содержание

Часть вторая. На подступах	6
12. Операция «Кремль»	6
13. «Охота на дроф»	12
14. На рать идучи...	17
15. Барвенковский капкан	23
16. Время искать виноватых	29
17. Третий фронт	36
18. Результат	42
19. На пороге нашей победы	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Валентин Пикуль
Барбаросса. Роман-размышление. Том 2

© Пикуль В.С., наследники, 2011

© Пикуль А.И., составление и комментарии, 2011

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Часть вторая. На подступах (Продолжение)

12. Операция «Кремль»

Если у немцев были проблемы с транспортом (о чем я уже говорил), то у нас на железных дорогах тоже кавардака хватало. Лазарь Моисеевич Каганович – это всем известно – плевал подчиненным в лицо, швырялся в них стульями, доводил людей до слез и подводил их «под вышку» – как «шпионов». Ближайший «друг и соратник великого Сталина», он еще до войны разрушил железнодорожное хозяйство страны, а теперь, в дни войны, на железных дорогах зачастую царил попросту хаос.

Стоило танковым дивизиям Клейста появиться возле Ростова, и все южные магистрали сразу оказались плотно забиты вагонами, платформами, паровозами и цистернами, которые как бы составили один нескончаемый эшелон. В этой «каше» (иначе не назовешь) намертво застряли мощные локомотивы ИС и ФД, позарез необходимые на трассах Урала и Сибири.

Между тем продолжалась ударная стройка железной дороги Кизляр – Астрахань, которой в нашем Генштабе придавалось стратегическое значение. Дело прошлое: кое-как одетые, почти не кормленные, путевые войска и работяги в этих унылых пространствах совершали трудовой подвиг! Чтобы они «шевелились» побыстрее, сюда был направлен заместитель наркома путей сообщения – пылкий чекист И. Д. Гоцеридзе. Уже повеяло весной, когда в Сталинграде на столе Чуянова зазвонил телефон. Характерный акцент Гоцеридзе:

– Слюшай, дарагой! Ты там не психуй, но я тебе скажу: сегодня утром наши рабочие видели немецкие танки.

– Где танки? У вас? – Алексей Семенович, не мог поверить. – Не может быть! – кричал он в трубку. – Вы посмотрите на карту – и тогда сами поймете: как же танки Клейста могли проскочить от Азовского моря до Каспия... через голые степи!

– Голые, да. Но мы не бредим. Это – танки.

– Вы слышали о них или сами наблюдали?

– Не кричи, дарагой! Я сам видел кресты на их башнях...

Чуянов созвонился с Москвой, вышел на связь с начальником тыла Красной Армии генералом Хрулевым.

– Вполне возможно, – отвечал Хрулев. – Наверняка это работа Клейста, который решил провести глубокую танковую разведку. Я распорядюсь, чтобы рабочих на строительстве трассы вооружили. А вы передайте начальнику своего военного округа генералу Герасименко: пусть подкинет на трассу пулеметов.

– Да где он возьмет их, товарищ Хрулев?

– Пусть поищет. У нас тоже ничего нету...

Признаем, что мобильность роликов Клейста была высокой. 1 апреля Гитлер лично известил Клейста, что ему предстоит катиться до нефтепромыслов Кавказа, чтобы навсегда лишить мобильности все моторы Красной Армии...

Дела были плохи! Харьков и Орел, где на заводах создавались танки, были уже захвачены немцами, Кировский завод в Ленинграде – блокирован, а Свердловск и Челябинск только сейчас разворачивали серийное производство новых танков.

Чуянов отговорил с Хрулевым и сказал сам себе:

– Вот еще наши заводы остались – сталинградские! Но одна-две хорошие бомбежки – и нам амба! О чем там думают?..

На юге страны уже разворачивалась армада немецких танков.

* * *

Военные врачи-психологи вермахта, постоянно изучавшие моральное состояние войск на фронте, докладывали весной в ОКВ: «Подавленность, связанная с зимним отходом, преодолена... Снова выявляется движение вперед, снова наступает доброе для нас летнее время!» Но при этом психологи, достаточно объективные, отмечали, что перемен к лучшему не произошло среди штабных офицеров: склонные больше других к анализу, они довольно-таки мрачно взирали на будущее этой войны...

Фельдмаршала Ганса фон Клюге, который командовал группой армий «Центр», вызвали с фронта в ОКХ (в Цоссен).

– Русские, – сообщил ему Гальдер, – концентрируют резервы в окрестности Москвы, но будет плохо, если они передвинут их к югу. Следует конкретно убедить противника в том, что летом мы нанесем новый удар по их столице. Вы, как командующий «Центра», подготовьте приказы о наступлении на Москву, приложив все старания, чтобы о смысле ваших приказов стало известно в Кремле. Эта операция по дезинформации противника и получает кодированное название «Кремль».

– Генерал Фельгиббель предупрежден?

– Да. Его полевые радиостанции сделают все, чтобы умышленно допустить достоверную утечку ложной информации. А ваши приказы должны выглядеть правдиво, чтобы у Сталина не оставалось и доли сомнения в их подлинности.

– Понимаю, – кивнул Клюге. – Это срочно?

– К маю должно быть все готово. Ганс Фриче проболтается по радио о том, что Москва летом будет наша. Вы должны сделать все, чтобы стратегические резервы Сталина удержались под Москвой – вдали от наших армий на юге...

Пожинать свои победные лавры прилетел в Берлин и везучий Роммель; Гальдер охладил его пыл словами:

– Нам сейчас не до Египта! Подкреплений не ждите. Все, что у нас осталось, забирает ваш лучший друг Паулюс... Волга для нас важнее дурацкого Нила с его крокодилами.

Гитлер оказался щедрее Гальдера.

– Роммель, вы – гордость нации! На этот раз я не откажу вам в поддержке авиацией. Пусть фельдмаршал Кессельринг усилит бомбежки Мальты, обеспечит доставку итальянских танкеров с горючим. Но предупреждаю: в мае всю авиацию я заберу от вас обратно – для нужд Восточного фронта.

– Следует ожидать важных операций на Востоке?

– Да, Роммель. Если мы и сейчас не добьемся решительных успехов, значит, немецкий народ выродился в ничтожество, он не имеет право на существование, и пусть он подыхает, – сказал Гитлер («...и я тогда, – писал Роммель, – в первый раз заподозрил фюрера в ненормальности...»).

Как раз в эти дни Гальдер предупредил Гитлера, что русская промышленность после эвакуации на Восток начинает набирать небывалую мощь, ее заводы в глубоком тылу способны в ближайшее время поставить на конвейер 600–700 танков в месяц.

– Хватит гипербол! – не поверил Гитлер и сразу обозлился. – Я ведь еще не забыл о кризисе с зубными щетками...

– Мой фюрер, – отвечал Гальдер, – я согласен, что хороший ширпотреб так и останется недостижимой мечтой в русском народе, но т а н к и! Они делают их быстрее нас.

Гитлер прогнал от себя начальника генштаба, а потом жаловался Борману, что Гальдера он не может терпеть:

– Этот баварец становится невыносим! Гальдер теперь взял моду преподносить мне всякие гадости. По его откормленной морде я вижу, что ему нравится играть на моих нервах...

Генерал Фромм тоже не пощадил его нервов:

– Как начальник резервов, вынужден огорчить вас: сейчас мы имеем некомплект в шесть-сот двадцать пять тысяч человек.

– Выньте их из кармана, Фромм! Не стесняйтесь.

– Можно объявить призыв семнадцатилетних. Правда, германские законы в этом случае требуют согласия родителей.

– Мамочки и папочки пускай заткнутся, – сказал Гитлер. – Сейчас не до их прощальных воплей на вокзалах.

– Я такого же мнения, мой фюрер. Резервы обнаружены и у Геббельса: он держит вне призыва здоровущих кобелей вот с такими глотками, которые в кабаках расппевают о Лили Марлен.

– Верно, Фромм! Теперь их песенка спета. О женских прелестях Лили Марлен могут распевать лишь наши заслуженные ветераны, еще не потерявшие голос от морозов в России.

Оказывается, Фромм обрыскал все тупики и закоулки рейха, где скрывались уклоняющиеся от фронта:

– Следует потрясти и Геринга: у него в люфтваффе на одного летающего по пять-десять бездельников обслуживающего персонала. Наконец, – закончил Фромм свой доклад, – можно сократить прислугу в зенитных расчетах. К зениткам можно поставить девок или подростков, любящих ковыряться с техникой.

– С вами, Фромм, приятно иметь дело.

– Служу великой Германии... хайль Гитлер!

28 марта состоялось секретное совещание в ставке Гитлера, и по своей значимости оно имело столь же важное значение для судеб войны, как и недавнее совещание в кабинете Сталина.

Проблемы, столь мучительные для нашей Ставки, угнетали и верхушку гитлеровского вермахта, и эти проблемы – удивляться тому не следует! – во многом совпадали. Со слов Гейнца Гудериана понятна их суть. «Весной 1942 года, – вспоминал он, – перед немецким верховным командованием встал вопрос, в какой форме продолжать войну: наступать или обороняться?...»

Самой оригинальной – и пожалуй, самой неглупой! – была точка зрения адмирала Деница, который заявил:

– Сейчас возник такой момент, когда Египет у англичан завоевать намного легче, нежели отнять Кавказ у русских, и потому я считаю, что корпус Роммеля в Ливии надо не ослаблять, как мы делаем, а, напротив, усиливать.

Деницу тут же здорово влетело от владык вермахта:

– Вы разве не верите в нашу победу на Востоке? В пустынях Ливии более заинтересован Муссолини, а Роммель останется при нем вроде мальчика на побегушках... Конечный результат всей войны должен проявиться в России, и только в России!

В основу летнего наступления вермахта был положен проект «Блау» – о выходе вермахта к Волге и на Кавказ, о чем еще зимою столь настырно хлопотал Адольф Хойзингер.

– Я, – сказал Гитлер, – вынужден повторить то, что твердил еще в прошлом году. Русские не так уж чувствительны к окружениям, как мы, и потому нам следует освоить принципы очень плотных окружений, чтобы уничтожить их внутри будущих котлов. «Блау» подразумевает экономические цели – захват русских нефтяных ресурсов – и политические – с выходом в страны Ближнего Востока, чтобы изолировать Советы от их союзников на юге и заставить Турцию выступить против Сталина...

К этому времени пантюркисты Анкары, наследники былой славы Османлисов, уже выпустили в продажу карты, на которых советские территории с мусульманским населением – вплоть до Казани! – были заштрихованы как турецкие владения. А басмаческие шайки, нашедшие приют в горах Афганистана, готовились снова ринуться в нашу Среднюю Азию.

– Турецкий премьер-министр Сараджоглу, – сообщил Гитлер, – обещает моему послу фон Папенау выставить летом в турецкой Армении двадцать шесть полнокровных дивизий. В этом случае японцы тоже расшевелят боевой пыл своей Квантунской армии...

Все, что сказал Гитлер на этом совещании, было хорошо им аргументировано, никто не смел ему возражать, лишь Йодль высказал оперативные сомнения.

– Но, усиливая группу «Юг», – заметил он, – мы тем самым ослабляем «Центр» и «Север», что позволит, думаю, Жукову проникнуть в направлении на Шмоленгс.

– Для этого, – отвечал Гитлер, – у него не хватит сил, ибо, ощутив привкус катастрофы на юге, Сталин начнет спешно перебрасывать свои силы от Ленинграда и Москвы.

В глазу Кейтеля броско посверкивал монокль:

– После той бани, какую мы устроим русским у Барвенковского выступа, следующий удар барона Вейкса на Воронеж сначала будет выглядеть началом фиктивной операции «Кремль»! Русские подумают, что на этот раз мы идем на Москву через Воронеж. Когда же в Москве догадятся, что они обмануты, будет поздно. Котел вберет в себя все русские армии, размещенные по хордам гигантского треугольника, углами которого станут: Воронеж – Таганрог – Сталинград... Дорога на Кавказ станет открыта!

На этом совещании все немецкие генералы были раболепно солидарны с Гитлером. Правда, Франц Гальдер еще долго брюзжал перед Адольфом Хойзингером, но его брюзжание один Хойзингер и расслышал.

– Вермахт вряд ли способен к операциям такого масштаба, какие запланировал фюрер. Это же абсурд – расчлнять группу «Юг» по двум дорогам – кавказской и сталинградской. Русские передуют их там поодиночке... Йодль, кстати, прав: стоит Жукову треснуть по Шмоленгсу, и тогда от «Блау» полетят перья.

– Что бы вы сделали на месте нашего фюрера?

– Мне хватило бы одного Сталинграда, – отвечал Гальдер. – Выйдя к Волге, я бы разом перекрыл все краны, из которых русские черпают горючее, и тогда армия Сталина умерла бы сама по себе в жестоких корчах нефтяной дистрофии...

В апреле Гитлер повидался с Муссолини и Антонеску, чтобы выкачать из Италии и Румынии новые пополнения. Он обнадеживал их в непереносимом успехе летнего наступления, утверждал, что у русских не осталось боевой техники.

– Сейчас они только импровизируют! Но им уже не собрать ту старую глину, из которой они свалили своего безмозглого колосса. Что же касается помощи от союзников, то Черчилль и Рузвельт помогают Сталину в мизерных дозах, словно их паршивые «матильды» и вонючие «студебеккеры» – драгоценное лекарство для умирающего. Второго фронта в Европе не будет, и это позволяет мне в спокойной деловой обстановке приготовить для Востока еще шестьдесят новых дивизий. А скоро я буду иметь в рядах вермахта сразу девять миллионов солдат!

Муссолини очень боялся второго фронта – не в Европе, а в Африке, его рассуждения на эту тему были здравыми:

– Рузвельт может забраться в Марокко, а Черчилль нажмет от Египта, и тогда моя армия в Ливии, включая и вашу – Роммеля, треснет, как орех, раздавленный шипцами.

Гитлер рассуждал совсем неправильно:

– Если второй фронт и возникнет, то все дело кончится десантом в Норвегии, на большее Черчилль не согласится. Норвегию я беру на себя, а вы занимайтесь Мальтой. Если же эти похотливые янки сунутся в Западную Африку, я сразу оккупирую всю Францию целиком. Я

не остановлюсь перед капризами Франко и буду штурмовать Гибралтар. При такой ситуации долго ли усидит Рузвельт в Касабланке?

Гитлеру явно мешал язвительный граф Чиано:

– Главное сейчас – Россия, и, кажется, она устоит, разрушив прогнозы вашего командования.

До чего же был Гитлеру противен зять Муссолини!

– Это невозможно, – взбеленился Гитлер. – Я отнял у них молибден и марганец, без которого немислимо создание бронебойной стали. Если у меня завтра кончится каучук, я тут же заменю его синтетической «буной». А чем заменят каучук русские на своих истрепанных шинах... чем? Тряпками?

Чиано по-своему расправлялся с Гитлером:

– Боюсь, что «буна» не для русских ухабов. А Красная Армия использует добротный искусственный каучук, созданный в лабораториях своего химика Лебедева.

– Это большевистская пропаганда, Чиано!

– Да? – вроде бы удивился Чиано. – Но перед войной Рим торговался с Москвой о закупке именно русского каучука. Выходит, Сталин хотел надуть нас и подсунил нам... воздух?

* * *

Настали дни Пасхи, когда Паулюс появился в Берлине, дабы в кругу семьи отметить крещение двух младенцев-близнецов, благополучно рожденных дочерью Ольгой.

Радиовещание Берлина в эти пасхальные дни захлебывалось от восторга: генерал Зейдлиц прорубил «коридор» из Демянского котла, а германская авиация, отбомбившись по Мальте, уже раскладывала свои зажигалки по крышам Сталинграда... Первая деловая встреча Паулюса состоялась в кабинете Хойзингера.

– Сюрприз! – сообщил он. – Шапошников серьезно болен, на его место выдвигается Василевский, мой антипод. Думаю, мы раньше недооценивали его таланты. К сожалению, против Василевского абвер не подобрал компрометирующих материалов, если не считать того, что он сын священника.

– Этот фокус не пройдет, – сказал Паулюс, – ибо Сталин тоже учился в духовной семинарии. А как Гальдер?

Паулюс застал Гальдера в веселом настроении:

– Нам повезло. Чертовски повезло... В наших руках оказался русский генерал Самохин Александр Григорьевич, бывший военный атташе в Югославии, а ныне командир Сорок восьмой армии Брянского фронта.

– Как это случилось? Он... сдался?

– Нет. После приема у Сталина вылетел на фронт. Но пилот посадил машину не в Ельце, а на нашем же аэродроме в Мценске. Самохину не стоит даже трепать нервы в абвере, ибо при нем взяли целую сумку секретных директив. Теперь перед нами вырисовывается полная картина летних планов Тимошенко на Барвенковском выступе... Вашей Шестой армии, Паулюс, предстоит встретить удар на подступах к Харькову.

– Назовете ли точную дату?

– Примерную. Где-то в первой декаде мая...

Паулюс сомневался в достоверности рассказа Гальдера, ему с трудом верилось, что Самохин случайно сел на чужой аэродром с самыми секретными директивами своей Ставки:

– Слишком фантастична вся эта история. Не был ли пилот Самохина тайным агентом нашего фюрера? Или, может, Сталин нарочно пожертвовал своим генералом, чтобы всучить нам его портфель с фальшивыми планами?

– Нет. Просто его пилот летел без штурмана, плохо зная аэронавигацию, и теперь Москва будет за это расплачиваться...

Маршал С. С. Бирюзов, которому как раз и выпала горькая доля докладывать «наверх» об этом случае, после войны писал:

«У меня нет никакого сомнения в том, что трагический эпизод с генералом Самохиным сыграл свою роковую роль и в какой-то мере predetermined печальный исход нашего наступления на Харьков».

А пока там генералыштеблеры изучали бумаги из портфеля Самохина, в штабе фельдмаршала фон Клюге готовились фальшивые документы, чтобы убедить Сталина в его ошибочном мнении, будто летом вермахт будет снова наступать на Москву. Этот документ готовился в 22 экземплярах, и – будьте уверены! – немецкая разведка постарается, чтобы один из этих экземпляров попал на стол самого Иосифа Виссарионовича.

Уже одно название фальшивки «КРЕМЛЬ» должно вызвать душевный трепет вождя, который все резервы, какие у него есть, оставит при себе, чтобы оградить Москву и себя в Кремле...

13. «Охота на дроф»

Имена этих людей, которых я назову вам, ничего не говорят нам, и никакого геройства они не совершили, но весной 1942 года им привелось своими глазами увидеть нечто такое, что вскоре отразилось на делах наших армий Южного фронта и вызвало оперативный кризис, схожий с параличом...

Некий лейтенант Корженевский и рядовой Петров (имен их не знаю), изможденные до предела, оборванные и грязные, уже целый месяц выбирались к своим из окружения, в которое попали под Ростовом. Они стремились на север в сторону Славянска, где, по слухам, пролежала шаткая линия фронта; пуганные и осторожные, они стороною обходили магистрали, чтобы не нарваться на вражеские разьезды. Однажды ночь застала их в голой безлюдной степи, оба прикорнули у костерка, пробужденные на рассвете страшным грохотом моторов и гусениц.

– Танки! Смотри, смотри... сколько их, Господи?

Сначала десятки, а потом и сотни машин, маневрируя в степи, совершали странные эволюции. Наконец они застыли, образовав четкую геометрическую фигуру, похожую на четкий квадрат, видимый, наверное, даже из космоса.

– Что бы это все значило? – обомлели оба.

– Напоролись... прямо на танки Клейста! Но что они тут делают и зачем выстроились в квадрат, этого я не знаю.

Петров был дважды ранен (он танков боялся):

– Может, уйдем от греха, пока не поздно, а?

– Поздно. Лежи. Заметят – прихлопнут сразу...

Между тем танки Клейста, составив форму гигантского каре, внутри которого оставалось свободное пространство, чего-то выжидали. Экипажи от машин не расходились. В утреннем воздухе были слышны резкие окрики офицеров.

– Летят... гляди, гляди! – вдруг сказал Петров.

– Совсем непонятно, – ответил Корженевский...

Пятерка брюхастых самолетов вдруг пошла на посадку, приземлившись в центре танкового квадрата.

Машины вдруг ожили, экипажи забегали, разнося от машин длинные шланги, их подключали к фюзеляжам, и Корженевский догадался...

– Вот оно что! Заправляют баки горючим...

На смену опустошенным авиацистернам прилетали другие, быстро перекачивали горючее из фюзеляжей в танковые баки, и так продолжалось несколько раз – при строгом соблюдении хронометража по времени, в порядке распределения горючего по часовой стрелке. Было видно, что у немцев эта операция четко отработана еще на маневрах. Наконец вспыхнула сигнальная ракета, и танки, мощно содрогая поверхность истерзанной ими земли, колоннами развернулись в степные пространства... Корженевский и Петров долго не могли опомниться, потрясенные всем увиденным.

– Как в романах Уэллса, – сказал лейтенант. – Прямо марсиане какие-то, сошедшие на землю. Пошли, браток!

– Куда? – поднялся Петров, отряхиваясь.

– Хоть один из нас, – отвечал офицер, – должен непременно остаться в живых, чтобы сообщить своим о том, что мы случайно здесь увидели... вблизи Краматорска!

Разведка нашей 9-й армии подтвердила рассказ окруженцев. О группировании танков Клейста к югу от Славянска напомнили вышестоящему командованию. В «Истории второй мировой войны» сказано: «Однако ни командующий Южным фронтом генерал Р. Я. Малиновский, ни главнокомандующий войсками Юго-Западного направления маршал С. К. Тимо-

шенко не приняли во внимание своевременный доклад... об угрожающей опасности». Неудачи в войнах всегда неизбежны, но их нельзя оправдать, если они возникли по безалаберности людей, которым доверено ведение войны. Это явное пренебрежение к противнику послужило трагической прелюдией к роковым поворотам в мае 1942 года...

На генерала А. И. Родимцева, будущего героя Сталинградской битвы, в эти весенние дни произвели сильное впечатление слова рассуждавшего в окопе молодого комбата:

– Война – штука простецкая! Философии тут не надо. Только научись тому, как нельзя воевать, и тогда будешь воевать как надо... вот и вся тут премудрость!

* * *

Если сделать «короткое замыкание» в напряженной сети логических событий, то мы увидим, что судьба двух битв – за Сталинград и Кавказ – была зависима от битвы за Харьков, а судьба Харькова зависела от обстановки в Крыму...

Начиная с января 1942 года Керченский полуостров и город Феодосию занимали наши войска, которые сковывали немецкие армии Эриха фон Манштейна, штурмовавшего Севастополь, действуя с оглядкой назад: постоянно следовало ожидать удара со стороны Керчи – и тогда, может быть, придется оставить штурм города и вообще убираться из Крыма. Мало того! Гитлер не мог начать летом наступление на Кавказ, ибо эта мощная русская армия могла угрожать тылам вермахта и тем же танкам Клейста, способная устроить немцам котел – подобный тому, что сейчас клокотал и кипел под Демянском...

Стыдно писать! Пожалуй, нигде не было собрано столько людей и боевой техники, как на этом узеньком Керченском перешейке; плацдарм был забит людьми, отчего, как говорится, и плюнуть-то было некуда.

– Вот и хорошо, – говорил Мехлис. – Пусть враг убедится в несокрушимой мощи сталинского удара...

Всей этой оравой командовал слабохарактерный генерал Дмитрий Тимофеевич Козлов, и Лев Захарович Мехлис состоял при нем представителем Ставки; бедного генерала Мехлис попросту запугал и задергал придирками: что ни скажет Козлов, Мехлис во всем подозревал «вражеские происки». Весь перешеек-то в 32 километра по фронту, а Мехлис завел тут громоздкие канцелярии и даже... даже курсы по ускоренному обучению командного состава. А дармоедов-то сколько! Но все при деле. Кого ни спроси, каждый «исполняет поручение начальства».

Да, повторяю, писать стыдно!

Неслыханное дело! – на фронте возникли сразу два штаба; свой личный штаб Мехлис натравливал на штаб командующего армией. Сложилась нездоровая обстановка кляуз, доносов и болтологии. Вчера совещание, сегодня заседание, завтра отчетно-выборное собрание, послезавтра Мехлис собирает партактив, чтобы решить вопросы о воспитании бойцов в духе непоколебимой верности делу Ленина – Сталина... Муза бюрократии парила над армией.

– Что вы мне тут талдычите! – кричал Мехлис на военных (к их несчастью, подчиненных ему). – Вы изложите все четко на бумаге с приложением печати, и чтобы вашу подпись удостоверил секретарь парторганизации... вот тогда и будем разговаривать.

Абсолютный профан в военных делах, Лев Захарович запретил бойцам рыть даже окопы и траншеи.

– Вам бы только в земле отсидеться... трусы! – оскорблял он людей. – Окапывание подрывает наступательный дух красного бойца, а большевик должен смело глядеть в лицо смерти!

Всю тяжелую артиллерию, которой сам Господь Бог велел торчать в тылу, Мехлис выдвинул на самый передний край фронта. Дивизия есть дивизия, а Мехлис держал их кучей, не

разрешая растягиваться, теснил солдат одного к одному, как жильцов в коммунальной квартире, и дивизия занимала фронт на «пяточке» в 500 метров, а Козлов боялся вмешиваться:

– Погубит он всех нас, но... что делать? Кому жаловаться? Тронь это дерьмо, так оно тут же завоняет.

1937 год с его кошмарными страхами витал над Керченским полуостровом, и положение Козлова я понимаю. Во все времена, во всех войнах России русские генералы, не согласные с высшим начальством, сразу подавали в отставку, и за это их уважали! Но теперь-то времена иные: попробуй Козлов заикнуться об отставке или несогласии с Мехлисом, он был бы сразу уничтожен – как «изменник». Сталин знал, что Козлов задержан Мехлисом, но верил не генералу Козлову, а партайгеноссе Льву Захаровичу:

– Товарищ Мехлис не подведет... хороший товарищ! Когда он был редактором «Правды», там у него одну правду писали...

Сколько у нас писали об этом мерзостном человеке, и хоть бы один автор сказал о Мехлисе доброе слово – нет, никто не сказал. Да, чужих жизней Мехлис никогда не щадил, стрелял людей направо и налево, словно это не люди, а мухи. Но свою-то голову он берег... еще как берег! Стоило над плацдармом появиться вражескому самолету, и Мехлис сразу поднимал в небо не только эскадрильи истребителей, но иногда целые авиаполки. Маршал авиации Н. С. Скрипко писал, что едино лишь для безопасности самого представителя Ставки «авиация фронта быстро выработала моторесурсы, а когда действительно потребовалось летать в полную силу, многие истребители не могли подняться...». Голова незабвенного Льва Захаровича обошлась нам в 400 самолетов!

Конечно, Москва не за тем собрала большие силы, чтобы там топтались на одном месте и пожирали казенную кашу. Ставка не раз толкала Крымскую армию в наступление, чтобы рванулась в глубину Крыма, чтобы выручила израненный Севастополь, чтобы взяла Перекоп и захлопнула крышку котла, в котором армия Манштейна и погибла бы... Только в апреле Мехлис с Козловым начали наступать, но так бестолково, что все атаки оказались бесполезны. Солдаты даже не знали, как наступать за огневым валом, не умели атаковать следом за танками. Радиосвязь бездействовала – штабы, как в гражданскую войну, полагались на телефоны, а если и телефон отказывал, они рассылали ординарцев:

– Сбегай, Ваня, скажи Петухову, что ему должно быть стыдно.

Манштейн очень легко отвоевал у Мехлиса город и порт Феодосию, отчего войска Крымской армии еще более стеснились на маленьком «пяточке», словно люди в переполненном трамвае. Немцы под Севастополем фортам его давали такие названия: «Ленин», «Сталин», «Максим Горький», «Молотов», «ОГПУ», «ЧК», «Сибирь»...

– «О х о т а н а д р о ф», – возвестил Манштейн, – именно так назовем мы эту операцию... Из этой каши, что заварили сталинские стратеги, мы устроим кровавую кашу!

На рассвете 8 мая немецко-румынские войска начали «охоту на дроф», а уже к вечеру наш фронт развалился. Бойцы сражались отчаянно – на пределе сил, гибли героически, понимая, что мостов от Керчи на Тамань нету: море... Моряки в тельняшках вставали в полный рост и, крича «полундрра-а!», пытались из винтовок стрелять в узкие триплексы танков... все они и погибли под гусеницами! Манштейн вспоминал:

«Все дороги были забиты брошенными машинами, танками и орудиями противника. На каждом шагу навстречу нам попадались длинные колонны пленных... перед нами в лучах сияющего солнца лежало море. Керченский пролив и противоположный берег (уже кавказский). Цель, о которой мы так долго мечтали, была достигнута».

Мехлис бежал, оставив врагам 176 000 пленных, все самолеты, все танки и две с половиной тысячи орудий, которые Манштейн сразу отправил под Севастополь – крушить его защит-

ников. Но перед тем как убежать, Лев Захарович отправил донос на генерала Д. Т. Козлова как на «изменника», и Сталин, получив этот донос, показал его Г. К. Жукову:

– Вот видите, к чему приводит оборона, до которой у нас так много охотников. Надеюсь, что товарищ Тимошенко, рвущийся в бой, понимает, что лишь в наступлении вершится победа...

Около полуночи 11 мая он вызвал С. М. Буденного:

– Семен, поезжай туда сам и разберись. **З а с т а в ь (!)** ты Мехлиса и Козлова остановиться, чтобы Манштейн не мог проникнуть к востоку далее – далее, Семен, уже Кавказ...

15 мая Сталин издал приказ: «**КЕРЧЬ НЕ СДАВАТЬ**».

Но Керчь уже сдали. Крымская армия, брошенная командованием, спасалась вплавь через Керченский пролив – в п л а в ь, потому что катеров не хватало, люди цеплялись за каждую шлюпку. А часть наших войск, не сумев пробиться к морю, заживо погребла себя в каменоломнях Аджимушкая (и там, глубоко под землей, почти целых полгода она еще держала фронт, пока немцы не задушили их газами).

Севастополь теперь был обречен!

Сталину доложили, что пришел Лев Захарович Мехлис.

– Что ему? – спросил Сталин.

– Объясниться.

– Скажите, что я эту сволочь видеть теперь не могу...

Эта «сволочь» с великими почестями погребена у Кремлевской стены, где – давно всем известно – полно всяких других сволочей и палачей народа, продолжателей дел и интерпретаторов наследия мавзолейного идола. Мы, русские, по собственной инфантильности любящие прощать тогда, когда прощать нельзя, до сих пор еще не разгребли эту свалку, образованную возле святыни нашего оскорбленного государства.

– «Охота на дров», – подвел итоги Манштейн, – закончилась удачно, и нашим богатым трофеям, наверное, позавидует в «Центре» мой коллега – фельдмаршал фон Бок...

* * *

В бункерах «Вольфшанце» шла активная подготовка к летней кампании. Гитлер, как и Сталин, ложился спать лишь под утро, он включался в оперативную работу ставки лишь после полудня. Тучи комаров налетали из чащоб в штабные бараки, по ночам зловеще угукали нелюдимые прусские филины, надрывно лаяли сторожевые овчарки эсэсовской охраны, каждодневно пожиравшие столько мяса, сколько рядовой немец не имел по карточкам в месяц.

Настроение у Гитлера было хорошее, Кейтель с Йодлем рассуждали, что лето начинается хорошо:

– Успех в Крыму определен, перед нами узенький Керченский пролив, и мы сразу окажемся на берегах Тамани, чтобы развивать движение в сторону нефтяных вышек Кавказа... Наконец нам повезло и на Волховском фронте, где окружена и полностью разгромлена Вторая ударная армия, на которую так уповали в Кремле, и вчера нам сдался генерал, назвавшийся Власовым!

Фельдмаршал фон Бок вызвал к себе в Полтаву генерала Паулюса, и он предстал, тщательно выбритый, стройный и подтянутый, с упругой походкой человека, соблюдающего диету.

– Первоначальный успех, – сказал командующий «Центром», – определен ловкостью Манштейна, а дела в Крыму сразу же отразятся на Барвенковском выступе. Именно от вас, Паулюс, зависит и наш конечный результат – выход к Волге у Сталинграда. Никаких перемен в сроках более не предвидится, и маршал Тимошенко будет потревожен нами ВОСЕМНАДЦАТОГО мая...

Совсем иное настроение было тогда в нашем Генштабе, совсем иное, просто паршивое. Александр Михайлович Василевский – уже генерал-полковник – был срочно отозван из-под Демянска, где наши войска никак не могли справиться с немцами, попавшими в окружение, но в кресле маршала Шапошникова он, новый начальник Генерального штаба, чувствовал себя крайне неудобно, словно самозванец, не по праву занявший коронный престол.

Со своим приятелем генералом Анисовым он поделился:

– Как начинать? И – с чего? По сути дела, начинать мне приходится с *позора*... Да, да, с позора. Манштейн *малыми* силами сокрушил в Крыму наши *большие* силы. Вчера наш самолет пролетел на бреющем полете над крышами Керчи. Пилот видел, что все улицы и дворы в Керчи забиты нашей брошенной техникой, и теперь нашей же техникой Манштейн станет усиливать свою штурмовую группу под Севастополем, судьба которого, таким образом, решена... Между нами говоря, – продолжал Василевский, – после всего, что случилось в Крыму и под Волховом, нет никакого смысла начинать операцию под Барвенковом, чтобы штурмовать Харьков. Но... как доказать там, «наверху», что только в обороне наше спасение?

А мне вновь вспоминаются слова молодого комбата, которые как-то услышал генерал Родимцев, и я эти слова с удовольствием повторю для тебя, читатель, ибо мне они представляются мудрыми: «... только научись тому, как нельзя воевать, и тогда будешь воевать как надо... вот и вся тут премудрость!»

К сожалению, у нас часто воевали так, как нельзя.

14. На рать идучи...

Прошу обратить внимание на очень рискованный стык во времени: Паулюс готовил армию для удара по Барвенковскому выступу 18 мая, а маршал Тимошенко планировал перейти в наступление опять-таки с этого выступа 12 мая – их планы разделяла одна неделя, но уже в этом почти совпадении дат и точном определении боевых позиций чувствовалось нечто роковое...

Б. М. Шапошников, навсегда покидая Генштаб, еще раз просил Ставку воздержаться от Харьковской операции, считая ее рискованной и малоподготовленной. Но Сталин (по словам Василевского) «дал разрешение на ее проведение и приказал Генштабу считать операцию делом направления, – то есть делом Тимошенко, – и ни в какие вопросы по ней не вмешиваться...». Иначе говоря, Сталин, отвергая услуги Генштаба, брал ответственность за предстоящее наступление как бы на себя...

– Почему не вмешиваться? – переживал Василевский. – Без указаний Генштаба разве мало дров наломали в сорок первом? Ведь не один я тут сижу, здесь круглосуточно работает «мозг» всей нашей армии. Я все-таки вмешаюсь.

– Желаю успеха, голубчик, – ответил Шапошников и ушел...

Будущая трагедия Сталинграда определялась просчетами Сталина и боевым апломбом маршала Тимошенко, всегда излишне самоуверенного в своих талантах и в своих силах. После страшного разгрома армии в Крыму, казалось, нет никакого смысла начинать движение на Харьков – тем более не с широкого плацдарма, а лишь с «бородавки» Барвенковского выступа. После крымской катастрофы многие понимали, что обстановка на юге изменилась в пользу противника. И наши и западные историки согласны в едином мнении: положение Красной Армии могло спасти не наступление, а, напротив, отказ от него, чтобы занять нерушимую оборону. К сожалению, Сталин и Тимошенко рассуждали иначе...

* * *

Катились грузовики с молодыми солдатами последнего призыва, для которых битва за Харьков станет первым и последним их боем, по зеленеющим обочинам неторопливо шли ветераны, крутя на ходу сигарки; иные даже босиком, покрикивали молодым:

– Мотопехота! Оттого, что шагать неохота...

Впервые за всю войну солдаты увидели в небе превосходство нашей авиации над вражеской, своими глазами убедились в том, что тяжелые КВ – это не выдумка окопных краснобаев. Броня танков была украшена надписями: «За Сталина!», «За нашу Советскую Родину!» и «Вперед к победе!».

Все это настраивало войска на боевой лад, да и кормить стали намного лучше, а до этого сидели на мерзлой картошке, которую выкапывали на заброшенных огородах под пулями немецких снайперов. В кисетах солдат зашуршала махорка, по утрам старшина делил водку, как положено перед наступлением. Особым почетом пользовались бронебойщики с длинными ружьями ПТР, которые они таскали вдвоем, как носят деревья (один с хлыста, а другой с комля). Радисты приникали к штабным аппаратам, боясь пропустить в эфире сочетание цифр «777», которые послужат сигналом ко всеобщему наступлению.

Молодой генерал Кузьма Акимович Гуров навел в эти дни Александра Ильича Родимцева на передовой, широким жестом выставил на стол бутылку портвейна, на этикетке которой красовалась популярная марка «777». Родимцев – человек нервного склада характера, легко возбудимый, худощавый, очень подвижный – побарабанил по бутылке пальцами:

– Три семерки... что за символика? Как по заказу. Но погоди, Акимыч, сначала допросим одного франта.

Пленный действительно выглядел добротно, словно свежий товар, полученный прямо со склада. Морда сытая, сапоги сверкают, мундир с иголки. Начали:

– Какой дивизии?

– Двадцать третья.

– Инфантерия?

– Нет, панцер.

– Откуда появились в наших краях?

– Из Парижа...

Карта парижского метро и фотография пленного на фоне мостов через Сену подтверждали его слова. Генерал Гуров, как политработник, спросил – нравится ли ему в России?

– Совсем не нравится, – отвечал пленный.

– А воевать... нравится?

– Если б не эта война, что бы я делал? Наживать горб у станка на заводе... это не по мне. Когда бы еще я смог повидать Норвегию, Крит, Ливию, побывать в Афинах и в Париже? И все это бесплатно – за счет вермахта!

Родимцеву было не до лирики, он спросил:

– Почему вы так откровенны с нами?

– А что мне скрывать? Я попал в плен случайно и пробуду в плену недолго. Скоро вы все будете уничтожены нами, а я тогда получу двухнедельный отпуск. Я долго не усую за колючей проволокой, а вот вы еще насидитесь.

– Ну что ж, – посмеялся Родимцев. – В откровенности вам не откажешь, в смелости тоже, за что и хвалю...

Пленного увели. Гуров открыл портвейн.

– Верно говорят наши бойцы: ожил фриц, отогрелся на солнышке. И теперь не слышать, чтобы «Гитлер капут» орали, как это зимой было... Перезимовали, сукины дети!

– Да, – согласился Родимцев, – признак нехороший. Но меня сейчас тревожит иное. Я заметил уплотнение боевых порядков перед своим фронтом. Не напорется ли наш кулак на немецкий? Свои корпусные эшелоны Паулюс придерживает в Харькове, выдвигая лишь дивизионные резервы. Ясно, что немцы сохраняют силы в тылу для ответных ударов... В осторожности Паулюсу никак не откажешь.

– В уме тоже, – кивнул Гуров. – Это не Рейхенау, который частенько пер на рожон, действуя нахрапом. Я беседовал тут с Баграмяном, армянин с башкой, собаку съел на штабной работе. Так вот он говорил мне, что в поведении Паулюса чувствуется крепкая академическая школа. Скверно, если мы станем его недооценивать. Такой «академик» способен, кажется, переломать мебель и перебить всю нашу посуду...

В канун наступления маршал С. К. Тимошенко созвал в Купянске совещание командармов, еще раз заверив их в слабости противника, он говорил о полном преимуществе своих армий – как в живой силе, так и в техническом обеспечении. На этом же совещании были произнесены слова:

– Уже одно то, что товарищ Сталин, наш великий друг и учитель, одобрил наступательные планы армии, может служить верным залогом в предстоящем успехе нашего наступления...

«Должен сказать, – писал очевидец, – что это сообщение прозвучало тогда весьма обнадеживающе. Мы сочли, что возложенная на нас задача связана с самыми широкими планами Ставки».

Как и водится, все было достаточно засекречено, и потому командиры (и даже генералы) не могли знать о тех мнениях, что складывались в Генштабе и в кабинете Сталина, не все-

гда совпадавших. Повторялась сказка про «белого бычка»: Сталин ожидал удара немцев по Москве и толкал Тимошенко вперед, чтобы он, его натиск на Харьков, оттянул немецкие силы от Москвы, а Тимошенко ставил перед собой задачи более широкие – выйти на широкий стратегический простор, чтобы изменить весь ход войны...

В ночь на 12 мая Тимошенко торжественно объявил приказом по войскам, что открывает «новую эпоху» в истории войны с заклятым врагом человечества... Этот преждевременный пафос многим пришелся не по душе. Гуров сказал Родимцеву, что говорить о «новой эпохе» рановато и даже нескромно:

– Как бы ни были благородны цели полководца, но лучше бы воздержаться от таких эффектных прогнозов.

– Да, – скупое кивнул Родимцев, – что-то у нас быстро забыли о мудрости предков: «Не хвались, на рать идучи...»

В армии Тимошенко напряженно ожидали сигнала – «777».

* * *

Паулюс просыпался очень рано и, встревоженный подозрительным молчанием эфира, сначала спрашивал Гейма, своего начальника штаба, – дал ли что-нибудь ночной радиоперехват?

– Русские помалкивают. Теперь совсем не так, как было в прошлом году, когда они трещали, как сороки, и мы смеялись над их наивною болтовней в эфире... Тогда, – вздохнул Гейм, – воевать было легче: я всегда знал, что думает полковник Иванов и чего боится генерал Петров... Впрочем, лондонское радио на днях сообщало, что Тимошенко намерен наступать на Харьков и Днепропетровск, чтобы выбить из-под наших ног плацдарм для продвижения в сторону Майкопа.

Фердинанд Гейм был извещен, что на его пост начальника штаба 6-й армии скоро пришлют полковника Артура Шмидта, но Паулюс просил Гейма не торопиться с укладкою чемодана:

– Мы неплохо сработались, и, чтобы не терять вас для своей армии, я прошу вас, Гейм, принять Четырнадцатую танковую дивизию, где служит и мой сын Эрнст-Александр, с которым, – сказал Паулюс, – я стараюсь встречаться пореже, чтобы его не заподозрили в отцовской протекции. Сейчас он капитан и при мне капитаном останется, а вас, Гейм, я постараюсь рекомендовать для производства в генерал-майоры.

Гейм осторожными намеками дал понять Паулюсу, что полковник Артур Шмидт выдвигается на его место не столько оперативными талантами, сколько «иными качествами». Паулюс намек понял.

– Очевидно, – сказал он, – чтобы я не свихнулся, ко мне решили приставить идейную гвернантку... Неужели и полковник Баграмян тоже водит маршала Тимошенко на политических помочах? Мне, как и Блюхеру, необходим только Гнейзенау.

Вечером в казино Харькова немецкие офицеры смотрели советский документальный фильм довоенных времен «Борьба за Киев», в котором – на примере маневров Красной Армии – была показана ее высокая мобильность, ее передовая тактика, массивная мощь ударов – воздушных и танковых. Паулюс, как генеральштеблер, изучил этот фильм еще в Цоссене, а сейчас просмотрел снова – глазами придирчивого специалиста.

Вечер выдался хороший и теплый, после сеанса в душном казино было приятно прогуляться под липами харьковских переулков. Попутчиком Паулюсу стал генерал-майор Отто Корфес, командир пехотной дивизии, склонный ко всяческим историческим аналогиям. Сейчас, сопровождая командующего, доктор Корфес первым делом переложил «Вальтер» из кобуры в карман мундира.

– Советую и вам поступить так же со своим «парабеллумом», – сказал он Паулюсу. – Вечерние прогулки в России опасны...

Конечно, доктор Корфес в отличие от Паулюса еще весь находился под впечатлением документальной киноленты:

– На экране все выглядит превосходно, и хочется аплодировать. Но я никак не могу понять, к у д а все это делось? Красная Армия в тридцатые годы, бесспорно, была лучшей армией мира. Но сталинские наркомы, кажется, погнались потом за рекордами – кто выше прыгнет, кто дальше плюнет, кто глубже нырнет и никогда не вынырнет. Я думаю, – рассуждал Отто Корфес, – легче всего приготовить одного стахановца, дающего сразу тысячу процентов нормы. Но гораздо труднее наладить работу многих-многих тысяч рабочих, дающих сто обязательных процентов нормы – и н и о д н и м п р о ц е н т о м б о л ь ш е! В конце тридцатых годов все утерянное русскими в погоне за рекордами освоили мы, немцы, и теперь наш вермахт ставит «рекорды», взятые из поучительной практики прошлого Красной Армии...

Размеренные шаги гитлеровских генералов резко звучали в тишине мертвых улиц оккупированного ими города.

Паулюс, доселе молчавший, вдруг заговорил:

– Я не боюсь маршалов вроде Тимошенко; но следует остерегаться новых русских полководцев, которые еще никому не известны, но которых Россия обязательно сыщет в своих необъятных недрах. Они, эти люди, может, и не смотрели кинохроники «Борьба за Киев», но они наверняка многому научились на жестоких уроках прошлого года... научились у нас!

Мимо генералов, освещая улицу фонариками, процокал сапогами патруль автоматчиков, а позади немцев – с карабином на плече – шел русский полицай в кургузом пиджачке и пролетарской кепке.

На площади Дзержинского генерал Корфес спросил:

– Правда ли, что Гейма заменяют Артуром Шмидтом?

– Да. В назначении Шмидта меня смущает лишь отсутствие у него высшего военного образования. Впрочем, такого образования не имеет и фельдмаршал Лакейтель, услуживший фюреру.

Корфес уже был замешан в острых конфликтах с войсками СС, которые, словно тень, сопровождали 6-ю армию, и сейчас, стоя под одиноким фонарем на площади Дзержинского, он вдруг заговорил о загадочном «кружке друзей Гимmlера»:

– Надеюсь, вы о таком кагале слышали?

– Кое-что, – ответил Паулюс. – Но в этот кружок, насколько мне известно, входят нацистские интеллектуалы или очень богатые люди... Разве Артур Шмидт принадлежит к их числу?

– В роли интеллектуала он выглядел бы смешно. Однако не забывайте: Шмидт из богатой семьи гамбургских коммерсантов.

– Ах вот оно что... Впрочем, – сказал Паулюс, – нацистские убеждения Шмидта вряд ли могут помешать исполнению им своих обязанностей. Спокойной ночи, доктор Корфес, я покидаю вас, а то мой зять, наверное, уже волнуется. Время позднее...

Были первые числа мая, и до немецкого наступления – 18 мая – оставались считанные дни, когда состоялось знакомство Паулюса с новым начальником штаба 6-й армии. Артур Шмидт оказался вульгарным крепышом с круглою головою, плотно вросшей в широкие плечи. Бодрый, хорошо упитанный, коренастый, на вид – лет сорок, не больше. Небрежным жестом он вынул из кармана пачку сигарет «Аттика» и достал зажигалку. Одновременно с язычком пламени из зажигалки выскочил забавный смешной чертик.

– Чем только мой чертик не шутит, – сказал Шмидт...

Отныне эти два человека, Паулюс и Шмидт, столь разные, станут неразлучными до самого конца Сталинградской эпопеи, и они оба умрут на родине: Паулюс – в Лейпциге, а

Шмидт – в Гамбурге, разделенные не только географией, но и политикой. Между ними скакал этот пламенный чертик!

– Позвольте посмотреть, – протянул руку Паулюс.

– Пожалуйста, – показал ему Шмидт свою зажигалку. – Это мой амулет. Пока мой чертик пляшет в огне, я за свою судьбу спокоен. Только бы не посеять эту зажигалку.

Паулюс, смеясь, показал ему свою расческу.

– А вот и мой амулет, – сказал он, находя тему для установления первого контакта с начальником штаба. – Купил на Фридрихштрассе в магазине еврея Либензона, когда получил первый чин фенрика. С тех пор прошло много-много лет, но эта расческа всегда остается при мне... я, как и вы, суеверен.

Шмидт внимательно осмотрел амулет Паулюса:

– Странно, что за все эти годы из расчески не выпал ни один зубчик и выглядит она совершенно новенькой.

– Да, – отвечал Паулюс, – в блаженные и невозвратные времена «Вильгельм-цайта», когда у нас еще не было фюрера, немцы из любого дерьма умели сделать шоколадную конфетку.

– Хоп! – сказал Шмидт, щелкая зажигалкой с чертиком, и, раскуривая сигарету, он охотно согласился, что в старые времена вещи были добротнее. – Останется ли что-либо от наших эрзацев?

– Осколки, вынутые из наших ран. Вот они останутся.

– Осколки – не эрзацы, – отвечал Шмидт. – Они-то как раз сделаны очень добротно. Даже слишком добротно...

Не думали они тогда оба, и Паулюс и Шмидт, что эти их амулеты, зажигалка с чертиком и старинная расческа, доставят потом немало лишних хлопот советским генералам-победителям.

* * *

12 мая 1942 года – ровно в 06.30 по московскому времени – фронтовые радисты выудили из бездонных омутов эфира долгожданный сигнал «777», и сразу заработали «катюши», выстреливая по горизонту огненные трассы: жжув-жжув-жжув-жжжув...

Юные комроты и молоденькие комбаты выдергивали из кобур черные пистолеты ТТ и призывали бойцов:

– За мной, славяне... даешь Харьков! Робеть не надо, а поиграть придется... Урра-а-а!.. Все там будем!

Удар, тщательно подготовленный Паулюсом на 18 мая, маршал Тимошенко предвосхитил на шесть дней, а боевой порыв его войск, устремленных на Харьков, в германских штабах восприняли радостно, почти восторженно, оперативники даже поздравляли друг друга:

– Для нас это волшебный дар небес... подарок судьбы! Спасибо маршалу Тимошенко – он облегчил исполнение наших планов в операции «Блау», как будто все эти годы он получал жалованье не от Сталина, а от нашего фюрера...

Яснее всех выразился в это утро сам Паулюс:

– Лучшего мы и ожидать не смели! Нам уже не придется ломать последние зубы, прогрызая оборону противника. Русские сами лезут в капканы, для них расставленные. Как верующий человек, я могу только воскликнуть – с нами Бог!

Впервые прорезался голос и его начальника штаба Шмидта.

– Не будем забывать, – тактично напомнил он, – что при обоюдной готовности противников неизбежно следует «встречное сражение», а это, пожалуй, самая сложная форма боя.

Паулюс в ответ полковнику Шмидту только посмеивался:

– Именно этот вопрос и занимал меня более всего, когда я вел кафедру тактики. Суть дела очень проста: пусть слабый и далее ослабляет себя в наступлении, а сильный сидит в обороне.

Появление Адама не предвещало ничего хорошего.

– Требуется ваше вмешательство, – выпалил он Паулюсу. – Срочно созвонитесь с Джованни Мессе. Вот уже два часа подряд в Днепропетровске насмерть бьются немцы с итальянцами, и страшно, если дело дойдет до гранат и автоматов.

Подробности таковы. В кинотеатре Днепропетровска демонстрировался трофейный фильм «Антон Иванович сердится», немцы стали изгонять союзников с лучших мест, хотя итальянцы купили себе дорогие билеты; началась кровавая драка.

– Безмозглые фашисты! – горланили гитлеровцы.

– А вы... нацистская сволочь! – отвечали итальянцы.

(Союзники не сходились «идейно», ближайшее родство итальянского фашизма с германским национал-социализмом им суждено было познать несколько позже – на политбеседах в лагерях для военнопленных.) Паулюс вышел на связь с Мессе.

– Камарад, – сказал он ему, – вы, наверное, извещены об этом прискорбном инциденте в Днепропетровске?

– Да, прекрасная комедия «Антон Иванович сердится».

– Прошу строго наказать своих виновных солдат.

– Если вы, кампаньо, накажете своих... немцев!

– Накажу, – обещал Паулюс. – После чего, я думаю, для укрепления боевой солидарности следует устроить товарищеский ужин для солдат вермахта и берсальеров ваших частей.

– Солидарность? – хохотал Джованни Мессе. – Но если моих ребят посадить за один стол с вашими, то боюсь, что Антон Иванович рассердится еще больше...

Паулюс бросил трубку телефона, сказал:

– Эта драка из-за лучших мест – опасный сигнал для будущего Шестой армии... и пожалуй, для всего нашего вермахта. Теперь многое зависит от того, дорогие или дешевые места получают итальянцы в окопах большой излучины Дона.

Вильгельм Адам проявил редкое остроумие:

– Самые дорогие билеты достанутся нам, немцам...

Именно так и случилось потом – под Сталинградом.

На всякий случай Паулюс принял таблетку первитина.

– Первитин сегодня просто необходим, – сказал он, запивая горькую таблетку. – Чувствую, предстоят бессонные ночи...

15. Барвенковский капкан

Не стану утомлять читателя нумерацией полков и дивизий, не стану перечислять имена их командиров, безвестно сгинувших, или тех, что обрели бессмертие в наших энциклопедиях, постараюсь быть скуп в цифрах и датах, стараясь донести лишь главную суть событий и всегда помнить, что на поле битвы все читается иначе, нежели читалось тогда на оперативных картах, а потом читается в мемуарах. Как бы ни философствовали в высших инстанциях, как бы ни мудрили в средних, все это было далеко от окопов, где солдаты всю мудрость жизни, политики, стратегии и тактики воплощали в едином душевном призыве:

– Бей их, гадюков! Тока бы прицелиться... Ишь, зад-то отклянчил, а башку за пенек ховает. До свету не управимся...

Не в меру бодрые доклады маршала Тимошенко дали Сталину повод для резкого осуждения работников Генерального штаба:

– Если вас, любителей обороны, не подтолкнуть как следует, мы бы так и торчали на одном месте. А теперь видите, как удачно все складывается у Тимошенко под Харьковом...

Верно! Наступление началось прямо-таки превосходно.

* * *

Ударные силы нашей армии рвались на стратегический простор из невыносимой и довлеющей над ними узости Барвенковского выступа, охватывая при этом Харьков с юга, а со стороны Волчанска двигалась на Белгород вторая группа, огибая Харьков с севера, и где-то – уже за Харьковом! – они должны были сомкнуться, чтобы устроить немцам хороший котел. Внешне все было задумано вроде бы правильно и сомнений не вызывало... Зато сразу же, с первого дня, возникли подозрения!

Но возникли они не там, где Тимошенко склонялся над картами, красным карандашом отмечая стрелы прорыва, подозрения появились там, где в невообразимой пылище шагали наши солдаты, рассуждая меж собой, чтобы их не слышали командиры:

– Что-то не похоже на немца! Гляди, Вась, смываются от нас и даже не пальнут для порядку.

– Это как понимать? Вроде бы и далее нас заманивают.

– Да, братцы, чует сердце – не к добру...

В некоторых селах немцы оставляли богато накрытые столы со своим шнапсом и нашей самогонкой, навалом было пирогов, свинины, гусей и всякой другой снеди. Думали, что отравлено, поначалу боялись, а потом попробовали, никто не помер, и навалились. Колхозники говорили, что немцы сами пировать собирались, да вдруг разом снялись и удрали.

– А куда удрали-то? – спрашивали их.

– А шут их ведает. Бала-бала – и давай деру...

В одном месте разбили отступавшую штабную колонну с радиостанцией. Немцы оставили портфель желтого цвета, что определяло его секретность. В портфеле нашли бумаги с верными характеристиками наших командиров, и вечером, подвыпив, особист полка говорил:

– Всё знают! Кто пьет, кто трезвенник. У кого жена, у кого дети. Даже адреса домашние собирали. Мы, уж на что мы, и то своих же людей так не знаем... Капитан Панкратов, где ты?

– Да здесь я. А что?

– А то, миляга, что ты вот с Шуркой Водянкиной шуры-муры на сеновале крутил, так даже это немцам известно...

Немецкая разведка даром хлеба не ела, и в тот же день, первый день нашего наступления, Паулюс был извещен, что Тимошенко на один километр фронта имеет лишь до 19 орудий и не

более 5 танков. Новых же танков очень мало, чаще – старых модификаций с противопульной броней, на бензиновых моторах, почему они и вспыхивают, как спички. Впрочем, когда на фронте уже завязались бои, Паулюсу доложили:

– Тимошенко что-то уже почувствовал, потому что начинает вводить свои вторые эшелоны.

– Так рано? – удивился Паулюс. – Шмидт, вы слышали?

– Да, слышу. Все это очень странно.

– Но мы не станем самообольщаться, – сказал ему Паулюс. – В отличие от маршала мы побережем не только вторые, но и третьи эшелоны. Сейчас многое зависит от энергии фон Клейста.

– Клейст не опоздает для удара с южного фланга, – заверяли его. – После неудачи под Ростовом ему необходима реабилитация под Харьковом, чтобы вернуть себе расположение фюрера...

В первый день наступления наши войска продвинулись вперед – где на десять-двадцать километров, а там, где немцы оказывали сопротивление, даже два километра брались с неимоверным трудом. Танки противника еще не появлялись, авиация только прикрывала отход своих войск или вела разведку. Немцы очень экономно расходовали свои силы, и на юге выступа (южнее Барвенкова) они бросали в бой строительные батальоны, нам попался в плен солдат из похоронной команды и даже из команды по сбору трофеев («барахольщик»). За ночь Паулюс выкатил из Харькова свои ролики, и второй день наступления Тимошенко стал днем переломным.

Сопротивление ожесточилось. Паулюс запросил Адама, готовы ли к атакам панцер-дивизии Хубе и Виттерстейма.

– Да, – отвечали ему, – всего триста семьдесят машин. Хубе и Виттерстейм с нетерпением ожидают ваших распоряжений.

– Отлично. Не пора ли нам расшатывать фланги Тимошенко? На танки пусть Хубе примет пехоту. Заодно предупредите Рихтгофена, чтобы его Четвертый воздушный флот выделил нам пикирующие бомбардировщики. Я подозреваю, что маршал Тимошенко, припомнив свою молодость, проведенную в конюшнях, обязательно прибегнет к помощи кавалерии... Конечно, – сказал Паулюс, – мне, генералу, как-то не совсем удобно учить маршала, но в этих условиях ничего другого не остается...

Удары танков и авиации Тимошенко воспринял на свой лад – как доказательство слабости противника.

– Ну вот! – обрадовал он Баграмяна. – Паулюс уже на грани истощения, он транжирит свои последние козыри...

Силы противника сознательно им преуменьшались, а свои собственные Тимошенко преувеличивал. Совершенно не понимаю (и объяснений тому нигде не отыскал), почему Семен Константинович был убежден в том, что на подмогу его армии идут свежие дивизии из... И р а н а (?).

– Но, боюсь, они поспеют к шапочному разбору, когда мы своими силами разделаемся с фрицами, – говорил он...

13 мая уже наметилась неразбериха. Штабы соединений и штаб самого маршала работали в отдалении от передовой – иногда их разделяли 20–30 километров, бывало, что и более. При этом они все время перемещались, не предупреждая фланговых соседей, радиосвязь работала безобразно, позывные частей перепутались, и в этой сумятице всеобщего воодушевления мало кто еще догадывался, что управление войсками было уже потеряно... Но Тимошенко, уверенный в себе, уверял Москву и свой штаб, что все складывается по плану:

– Я очень доволен ходом событий...

Маршал К. С. Москаленко (сам участник этих событий) по этому поводу писал: «Ошибочные оценки не были изменены в ходе боевых действий даже тогда, когда наши войска, по существу, *уже потеряли инициативу*...» Перелом обозначился, и теперь не мы, а Паулюс навязывал нам свою волю. Однако наступление еще развивалось, и к концу дня 14 мая определился даже четкий успех: с Барвенковского выступа мы шагнули на 50 километров, а со стороны Волчанска (севернее Харькова) пробили оборону врага вглубь до 25 километров.

Наверное, это и был тот самый счастливый момент, когда Александр Ильич Родимцев, оторвавшись от стереотрубы, вытер восторженную слезу:

– Вижу, шайтан вас дери... вижу! Дома, крыши, садики, фабричные трубы. Харьков! Пора слать туда наши разъезды.

В трудные моменты боя нас выручали сорокапятки, шедшие в порядках пехоты (те самые орудия в 45 мм, которые в канун войны маршал Кулик и Сталин указали снять с производства), – именно эти пушки и стали нашей «палочкой-выручалочкой» в годы войны. Прекрасные наводчики-казахи с их острым зрением степных жителей раз за разом отмечали точные попадания.

– Жаксы, жаксы... о, бек жаксы! – восклицали казахи.

15 мая Клейст южнее Барвенкова уже разворачивал свою танковую армаду, а маршал авиации Вольфрам Рихтгофен поднял в небо воздушный флот, который выстраивал над нашими войсками «небесную постель», обстреливая все живое, в строю «дикой свиньи» клином врзался в наши слабые авиационные звенья... Но любой натиск врага маршал Тимошенко не считал наступлением, расценивая его как жесткую оборону:

– Не сдаются, окаянные! Мы их переломим. Мы еще покажем, что умеем бить врагов по-суворовски: не числом, а умением...

Тогда же он заверил Сталина в успешности наступления. Между тем сражение уже распалось на отдельные очаги, изолированные один от другого «пробоинами» в линии фронта, и в эти «пробоины» бурным потоком вливались резервы Паулюса, от Славянска с юга начали проскакивать одиночные танки...

Иван Христофорович Баграмян запросил Южное направление – какова у них обстановка и где сейчас танки Клейста? Ответ из штаба Малиновского был утешительным:

– Клейст не шевелится. А мы следим, чтобы к Барвенкову он не прорвался. В случае чего – предупредим...

16 мая стало последним днем нашего наступления. Наши войска еще продолжали нажим на Харьков, а местные жители, стоя у деревенских околиц, кричали бойцам:

– Да оглянитесь назад, родимые! Вы-то вперед идете, а за вами-то, эвон, уже немецкие машины шныряют...

Из Харькова вернулась конная разведка. Родимцев выслушал, что там творится: немцы перепуганы, госпитали эвакуируются, с балконов домов свешиваются трупы повешенных, один старик повешен даже вниз головой над панелью. Люди рвались вперед – на Харьков, но Родимцев каким-то подсознательным чутьем воина уже ощутил трагизм положения и решил перейти к обороне:

– Спасибо, ребята. Расседлывайте коней. Понимаю вас. Понимаю и харьковчан. Но город сейчас не взять...

– Как же так? Нас в Харькове обнимали, нас всех целовали. Мы заверили харьковчан, что не сегодня, так завтра...

– Расседлывайте коней, – отвечал Родимцев. – Понимаю вас и понимаю харьковчан. Но город сейчас не взять...

Наши войска все больше увязали в оперативном мешке Барвенковского выступа, будь он трижды проклят, и разве можно было тогда подумать, что громадная армия уже о б р е ч е н а...

Командующий 6-й армией распрямылся над картой.

– Генерал Малиновский на юге не распознал угрозы со стороны броневых кулаков Клейста, нацеленного вот сюда... от Краматорска, от Славянска! Не догадывается об этом и Тимошенко, а я, Шмидт, не завидую тем минутам свидания, которые уделит потом господин Сталин для частной беседы со своим маршалом.

Явился Вильгельм Адам, крайне взволнованный:

– Ваш сын, капитан Эрнст Паулюс... ранен!

Паулюс остался спокоен (а скорее, он притворялся невозмутимым – даже сейчас в проявлении отцовских чувств).

– Если мой сын ранен, – был ответ, – следует положить в госпиталь... на общих основаниях. Если у меня будет свободное время, я навещу его. Пока все!

Р. Я. Малиновский с Южного фронта послал на помощь С. К. Тимошенко свой 5-й кавалерийский корпус. Тимошенко, узнав об этом, отправил Малиновскому свой 2-й кавалерийский корпус. Это напоминало обмен визитками вежливых людей, но тактически ничего не изменило в положении на фронте. Однако именно этот факт свидетельствовал о чем-то опасном: командование фронтов – ни Малиновский, ни Тимошенко! – еще не понимало близости катастрофы. Где-то уже летела в прорыв краматорская группа на звенящих гусеницах, а маршал Тимошенко, вспомнив молодость, надеялся задержать врага лихим набегом сабельной кавалерии.

– Орлы! – говорил он. – Разве кто устоит перед доблестной красной конницей, о которой в народе слагают песни?

Кавалерия уходила на верную смерть – с песнями:

С неба полуденного
Жара не подступи.
Конница Буденного
Рассыпалась в степи...

Уходящие в небытие, они видели своего главкома в широкой казачьей бурке и в кубанской папахе набекрень; маршал казался им далеким видением из эпохи гражданской войны, еще не ведавшей ожесточенной битвы моторов.

А танки горели! Горели танки. Н а ш и ...

А наша кавалерия была уничтожена авиацией. Генерал Гани Сафиуллин (из казанских татар) запомнил: «Лошади без седоков, в одиночку и группами, на полном карьере мчались в разные стороны. Вражеские истребители догоняли их на бреющем и уничтожали пулеметными очередями. Кони ржали, падали, пораженные пулями, они кувыркались через головы...» И, дрыгая ногами, они затихали в смерти, а молоденький солдат, тоже видевший эту расправу, громко плакал, сказав Сафиуллину:

– Всегда их жалко! Мы-то люди, мы понятливые, мы знаем, за что кровь проливаем, а как им-то, бедным да бессловесным, как им объяснить – за что муку терпят?

Наконец генерал Баграмян, начальник штаба, и Н. С. Хрущев, бывший тогда членом Военного совета фронта, убедили твердолобого и донельзя упрямого маршала, что наступление выдохлось – пора занимать жесткую оборону.

– Да, – вдруг согласился Тимошенко, – я и сам вижу, что на войска из Ирана надежды слабые, мы вынуждены перейти к обороне, о чем я извещу товарища Сталина, а вы, Иван Христофорович, готовьте приказ по армии о переходе к обороне.

– Слава Богу, что перестал артачиться. Наверное, и сам понял, что надо не свой престиж, а людей... людей побережь!

Кажется, говоря так, Баграмян даже перекрестился.

* * *

Было три часа ночи, когда Баграмян вдруг навестил Никиту Сергеевича, глаза начальника штаба были в слезах.

– Что там еще? – спросил его Хрущев.

– Наш приказ о переходе к обороне... отменен.

– Кто посмел отменить? – сразу взвился Хрущев.

– Маршал. Он действительно разговаривал со Сталиным, после чего велел ПРОДОЛЖАТЬ НАСТУПЛЕНИЕ, а сам... пошел спать.

Хрущев сумрачно матюкнулся.

– Так когда же этот бардак у нас закончится?

– Я, – просил его Баграмян, – умоляю вас переговорить с товарищем Сталиным, который наверняка дал нагоняй маршалу, после чего Семен Константинович и отменил свое распоряжение. А далее наступать нельзя, иначе, сами понимаете... катастрофа!

Хрущев, мужик с головой, понимал: сначала Тимошенко водил Сталина за нос, увлекая его на Харьков, а теперь Сталин начал водить Тимошенко – и это опасно. Но понимал Хрущев и другое, опасное уже лично для него: переубеждать Сталина – это значило заставить Сталина признать свою ошибку, а Сталин признает ошибки за другими, но своих – никогда.

– Сначала позвоню Василевскому, – решил Хрущев.

Но звонок Василевскому ничего не прояснил.

– Товарищ Сталин на ближней даче, – отвечал начальник Генштаба, давая понять, что не он главные вопросы решает. – Да, это его распоряжение... да, на даче... звоните ему... товарищ Сталин счел необходимым... не знаю... желаю успеха.

Хрущев долго собирался с душевными силами.

– Звонить Хозяину, – сказал он Баграмяну, – все равно что давиться. Но... что поделаешь, если н а д о?

К телефону на ближней даче Сталина подошел Маленков.

– Подожди, – ответил он Хрущеву, – я сейчас доложу. – Последовала продолжительная пауза, после которой Маленков сказал, что товарищ Сталин говорить не желает. – Он просил тебя сказать мне, что надо, а я ему передам...

Делать нечего, Никита Сергеевич сказал, что нельзя отменять их приказ о переходе армии к обороне, как нельзя и наступать далее, ибо наше наступление отвечает замыслам противника, а в результате всей операции одна дорога – мы сами загоняем свою армию в германский плен.

– Мы и без того растянули линию фронта, – доказывал Хрущев, – а случись – последует неизбежный удар с левого фланга (от Клейста), так нам кулаков не хватит, чтобы отмахаться...

Маленков выслушал, просил обождать, переговорил со Сталиным, после чего опять вернулся к аппарату.

– Ты слышишь? – спросил он.

– Слышу, – отозвался Хрущев, замирая.

– Товарищ Сталин сказал, что надо поменьше трепаться, а надо наступать. Хватит уже!

Посидели в обороне...

Разговор закончился, а Баграмян разрыдался.

– Все погибло, – говорил он. – На себе я крест уже поставил... мне все равно... людей! Людей жалко...

В большой стратегии, как и в большой человеческой жизни, случаются страшные трагедии, когда ничего не исправить.

Читатель, надеюсь, уже и сам начал догадываться – кто прав, а кто виноват, и читателю стало уже понятно – п о ч е м у армия Паулюса вскоре оказалась на Волге!

16. Время искать виноватых

Паулюс навестил в госпитале раненого сына. Он сказал ему, что на полях сражений догорают груды развороченных русских танков. Цитирую слова Паулюса, сохранившиеся в военных архивах ФРГ:

«Мы взяли в плен русского офицера. Он сказал нам, что маршал Тимошенко однажды приезжал на передовую, чтобы наблюдать за танковым сражением: маршал видел наступающих вплотную немцев и свои танки, буквально разнесенные в клочья, на что он только проронил: “Это ужасно!” После чего ему ничего не оставалось, как молча повернуться и покинуть поле боя».

Этот рассказ Паулюса сыну завершается выводом германских историков: Паулюс не столько был рад своим успехам, сколько был озадачен вопросом: «Какими еще резервами может обладать его гидроподобный противник?..»

У гидры, как известно, на месте отрубленной головы сразу вырастают две новые. Но резервов у Тимошенко не было, ибо с первого же дня наступления он стал их транжирить. В пламени боев перегорели вторые и даже третьи эшелоны его резервных полков. Утро 16 мая стало последним, когда наши войска еще пытались наступать. На следующий день Тимошенко перебрался подальше от фронта – на левый берег Северского Донца, расположившись в районе Песков, не оповестив о перемене места ни свою армию, ни своего южного соседа Р. Я. Малиновского, – там, в этих Песках, он и затих, почему армия, по сути дела, лишилась командующего, а где он сам и где искать его – никто не ведал. «Штаб армии, – писал Баграмян, – остался фактически без управления, так как радиосредств не хватало» (точнее – их попросту не было, ибо авиация Рихтгофена гонялась за каждой автомашиной, похожей на походную радиостанцию). Именно 17 мая и случилось то, чего больше всего боялись...

Эвальд Клейст вдруг бросил всю свою танковую армаду вперед, как бы подсекая Барвенковский выступ с южного его основания, как подсекают дерево с комля. После полудня гарнизон Барвенкова был размят в жестоком бою, Барвенково оказалось в руках противника. Но в наших штабах об этом до самого вечера ничего не знали. Н и ч е г о!..

Вечер этого дня застал Артура Шмидта на позициях близ Балаклеи, когда из сумерек тающего дня вырвался танк, заляпанный дорожной грязью и кровью раздавленных им людей. Моторы он заглушил перед штабной палаткой 6-й армии. Из люка выбрался сухопарый танкист в коротком кителечке, лоснившемся от машинных масел. Рукава были закатаны до самых локтей, а волосатые руки были сплошь унизаны браслетами разных марок, его пальцы сверкали золотом от обилия обручальных колец.

Он спрыгнул с брони танка на землю и крикнул:

– Дело за вами... Стоит вам ударить со стороны севера, и все русские останутся в нашем оперативном мешке.

– Вы откуда? – спросил Шмидт. – От Виттерсгейма?

Танкист расхохотался:

– Нет, я из группы Эвальда Клейста...

В руке Шмидта щелкнула зажигалка с прыгающим чертиком.

Он задумчиво раскурил сигарету и засмеялся:

– И чем только мой чертик не шутит!

* * *

Как это ни странно, но Сталина намного раньше, нежели Тимошенко, иногда тревожила эта мощная танковая группа Клейста, до поры до времени как бы затаившаяся в степных балках, замаскированная в редких перелесках, но активно «выстреливавшая» отдельные танки в сторону Барвенкова... Однажды в присутствии Г. К. Жукова, который разделял его опасения, Сталин созвонился с командованием Юго-Западного направления и, переговорив с маршалом Тимошенко, отошел от аппарата успокоенный.

– Пока все идет успешно, – убедился Сталин. – И нет никаких причин для прекращения Харьковской операции...

Но именно этот мнимый «успех» вызвал большую озабоченность работников Генерального штаба, которые давно почувствовали, что обстановка под Барвенковым и Харьковом складывается не так уж мажорно, как об этом докладывает маршал.

17 мая на пороге сталинского кабинета в Кремле появился генерал-полковник Александр Михайлович Василевский:

– Хотя вы и распорядились, чтобы Генштаб не вмешивался в дела главкома Тимошенко, я все-таки решил вмешаться.

Сталин поднес спичку к своей легендарной трубке, но спичка догорела в его пальцах, он так и не раскурил трубку.

– Что вас беспокоит, товарищ Василевский?

– Беспокоит именно то, что совсем не волнует командование Юго-Западным направлением: группировка танков Клейста. Она подпирает с юга Славянск и всю ударную группу армий, силящуюся вырваться из мышеловки Барвенковского выступа...

– Вы разве хорошо знаете обстановку на юге?

– Она... критическая! – запальчиво сказал Василевский. – Могу выразиться иначе – она попросту угрожающая. Тем более что дельных резервов мы в этом районе не имеем.

Разговор Сталина с Василевским происходил в то время, когда о прорыве танков Клейста к Барвенкову они оба еще ничего не знали. Верховный Главнокомандующий предпочитал в эти тревожные дни не подписывать приказы своим именем, чтобы не оставаться потом виноватым в принятых решениях, – он укрывался за общим и расплывчатым определением слова «Ставка» (а там как хочешь, так и понимай – кто в Ставке умный, а кто глупый).

Пройдясь вдоль стола, Сталин подумал перед ответом:

– Товарищ Тимошенко резервов у нас и не просит. Он хорошо обходится своими силами... А что вы предлагаете?

Что мог предложить Василевский? Самое разумное.

– Немедленно, – сказал он, – прекратить наступление на юге и все силы развернуть назад – для отражения танкового удара со стороны Клейста. Если мы, товарищ Сталин, не сделаем это сегодня, то завтра будет уже поздно.

Было поздно не завтра, а уже сегодня.

– Вы так думаете, товарищ Василевский?

– Уверен.

Сталин открыл графин с водой и закрыл его снова.

– Хорошо. Я еще переговорю с товарищем Тимошенко...

Но это был как раз тот уникальный случай, когда в Генштабе лучше знали обстановку на юге, нежели в безвестных Песках, где укрывался маршал Тимошенко, думавший в это время не о том, как спасти армию, а как ему избежать гнева Верховного.

– Хорошо, – повторил Сталин, – сначала выслушаем товарища Тимошенко, с мнением которого нам нельзя не считаться.

И хотя Александр Михайлович видел, что зыбкая чаша доверия Сталина склоняется в пользу докладов Тимошенко, он, Василевский, решил продолжать свой диалог с Верховным, чтобы спасти армии, спасти знамена, спасти технику.

– Спасти хотя бы людей, – говорил он, не подозревая еще, что эти люди уже обречены. – Очень трудный диалог, но его надобно продолжить... *з а т р а!*

18 мая Сталин встретил его иначе – слишком сурово.

– Кого мне слушать? – сразу спросил он Василевского. – Вас или товарища Тимошенко? Вы тут разводите панику, а товарищ Тимошенко считает, что угроза со стороны краматорской группы Клейста сильно преувеличена... в кабинетах Генштаба! Наступление, по словам товарища Тимошенко, развивается точно по плану, и нет никаких причин для его прекращения.

Александр Михайлович все выслушал.

– Товарищ Сталин, обстановка требует немедленного свертывания операции под Харьковом, иначе могут возникнуть трагические последствия не только для армий маршала Тимошенко, но и для всего советско-германского фронта. Сейчас, – сказал он, – может быть, как никогда, решается *очень многое*.

Молчание. Тишина. Каков же будет ответ?

– Я беседовал с маршалом, а вы – с кем беседовали?

– Со своим приятелем... Анисовым.

– А это еще кто такой? – удивился Сталин.

– Генерал, который из штаба армий Тимошенко дал мне самую точную информацию, и она, эта информация с передовой линии фронта, никак не подтверждает информацию маршала Тимошенко.

Сталин, отвечая, даже не повысил голоса:

– У вас свои приятели, а у меня свои. И мои приятели говорят не то, что говорят ваши приятели.

Василевский намеренно повысил голос:

– Товарищ Сталин! Первоначальный оперативный успех под Харьковом скоро окажется ничтожным пустяком по сравнению со стратегическим (а не тактическим) успехом противника. Мощь ударов Паулюса и Клейста не ослабевает, а растет час от часу. Как можно не замечать всего этого маршалу Тимошенко т а м, на фронте, я не понимаю...

– Сейчас поймете, – сказал Сталин.

Он подошел к телефону, его снова соединили с маршалом Тимошенко. Было неясно, что отвечал вождю Семен Константинович, но Верховный повесил трубку в прежнем настроении:

– Поменьше слушайте своих приятелей. Товарищ Тимошенко сказал, что операция развивается удачно, как и задумано. Наверное, ему на месте виднее, нежели нам – в Москве... И все-таки странно! – вдруг сказал Сталин. – Товарищ Тимошенко настойчиво убеждал меня в слабости противника, а теперь сам просит у меня резервов. Он же знает, что резервов для него н е т!

Однако Ставка ВГК нашла для Тимошенко стрелковую дивизию и две танковые бригады. Василевский сказал, что в лучшем случае они поспеют в сражение лишь через пять дней:

– А за этот срок все уже будет кончено!

* * *

19 мая от общего управления войсками остались рожки да ножки: каждый стал себе командиром, а генералы падали убитыми с винтовками в руках, отстреливаясь вровень со своими солдатами. Однако маршал Тимошенко умудрился издать приказ – усилить натиск на врага. Подписав этот приказ, он моментально издал и второй – перейти к обороне. Судьба этих приказов выражена с достаточной ясностью: они были примечательны только тем, что ни один

из пунктов приказов никогда не был выполнен. Приказы Тимошенко поныне покоятся вечным сном в архивах Министерства обороны СССР, но, дошедшие до внимания историков, они до войск Тимошенко так и не дошли...

Настал трагический момент, когда огулом зачеркивались не только результаты зимних успехов под Москвою, не только рушились надежды на освобождение Харькова и Донбасса, но уже возникла угроза полного окружения войск в Барвенковском выступе. «Видели ли эту опасность военные советы нашего направления? – задавался вопросом К. С. Москаленко. – Судя по всему, нет, они не видели...» Тимошенко большим и мясистым пальцем перекрывал на штабных картах рокадные дороги противника.

– Здесь и вот тут... остановить немца танками.

– Где они, наши танки? Их нету. Как нет и горючего.

– Без паники! – диктовал маршал, сбрасывая папаху, чтобы освежить гладко бритую голову. – Уже идут свежие дивизии... из Ирана! В любом случае переломим немца. Пушки у нас новые, какие фрицам и во сне не снились. Все будет! А сейчас приказываю перекрыть дороги танками.

– Которых у нас нету?

– Приказы не обсуждаются, а выполняются...

Против танков Клейста пошла в бой кавалерия генерала Плиева, взятая из жалких остатков резервов. «Иначе говоря, – писал очевидец, – наши войска сами залезли в мешок». Когда же маршал авиации Рихтгофен поднял в небо свой 4-й воздушный флот, тогда, как вспоминали свидетели событий, «небо потемнело от самолетов». Остатки кавалерии тут же полегли костьми, немцы не жалели фугасок даже на одиночные телеги, бомбы сыпались на стада коров, телят и овец... Все живое уничтожалось!

Танки Клейста и Паулюса – с юга и севера – «перегрызали» пути отхода, давили людей на дорогах, разрезая коммуникации, ведущие к спасению на востоке. 23 мая случилось то, о чем боялся сказать вслух Баграмян, чтобы его не произвели в ранг «врага народа», но о чем не устрасился поведать Сталину Василевский, почему и был обвинен в паникерстве.

Ударом с юга танков Клейста и натиском 6-й армии Паулюса с севера весь Барвенковский выступ был отсечен, и в кольце окружения оказались все армии маршала Тимошенко – с техникой, у которой не было горючего, со штабами и даже госпиталями.

В разгромленной Балаклее Паулюс встретился с Клейстом.

– Поздравляю, – сказал он. – Сейчас мне хотелось бы знать, где маршал Тимошенко? Угодил он в наш котел или выскочил?

– Ходят слухи, что его видели в Волчанске.

Паулюс повернулся к Артуру Шмидту:

– Перенацельте удар на Волчанское направление... Адам, – позвал он своего адъютанта, – а что вы скажете, если я предложу открыть бутылку яичного ликера?

– Лучше уж коньяк! – хохотал Клейст.

– Но у меня строгая диета, – отвечал Паулюс, давая понять, что от этой дизентерии никак не избавиться. – Я сейчас ожидаю возвращения из Лейпцига доктора Фладе, который собрал кости фельдмаршала Рейхенау и после похорон обещает навестить мою армию. Говорят, он любой понос заменяет запором...

25 мая куда-то бесследно исчез маршал Тимошенко. Москва, встревоженная, чтобы маршал не угодил в плен, требовала отыскать его – хоть живым или мертвым, но чтобы маршала обнаружили.

– Найти Тимошенко! – негодовал Сталин. – Сколько людей там оставили, не хватало еще, чтобы на потеху Гитлеру в Берлин привезли нашего маршала и бывшего наркома обороны...

Семен Константинович объявился в Валуйках лишь поздно вечером, усталый, голодный, весь какой-то помятый. Оказывается, он с самого утра просидел в придорожных кустах

или прятался под мостом, ибо немецкие самолеты, расстилая на бреющем полете «небесную постель», гонялись не только за машинами, но охотились даже за каждым человеком на дорогах.

– Головы было не поднять, – оправдывался маршал. – Удивлен: куда делись наши замечательные сталинские соколы?..

Тем же вечером главком сидел в крестьянской хате, поедая вареники со сметаной. Это было там же, под Валуйками. Очевидец оставил нам точное описание этой сцены: «Старуха хозяйка подсела рядом и долго смотрела на Тимошенко:

– Видела я тебя на портретах. Там ты моложе и бритый... Вона, у тебя танки были, всякие машины... самолеты летали. У меня сыночек в ту германскую унтером был. Как сел, сердешный, на Карпатах, так и не пустил немца. А ты со своими танками-самолетами вон куда закатился! Да где ж теперича остановишься?

– Назад вернемся, – мрачно ответил Тимошенко.

– Чего же взад-назад ходить? – спросила его крестьянка...

Тимошенко встал, поклонился хозяйке:

– Спасибо, мамо, за вареники и за разговор спасибо...»

А разговор получился тяжелый, глубоко ранящий. Но приходилось терпеть, ибо глас народный – глас Божий.

* * *

Утром маршал в легковой машине выехал на позицию.

– Придержи, – вдруг велел он шоферу. Возле молчавшей пушки сидели и молчавшие артиллеристы.

Подле валялись убитые. По ним ползали большие синие мухи.

Неподалеку лежали ездовые лошади с перебитыми ногами, с вывороченными внутренностями. Земля была перепахана воронками. Вдали догорали два немецких танка, еще дальше ползали по степи бронетранспортеры с немецкой пехотой.

Худенький командир, вчерашний школьник, с кубиками лейтенанта в петлицах застиранной гимнастерки тупо и равнодушно смотрел на подходившего к нему маршала в громадной мохнатой шубе. «Кто это?» Или опять киновидение из эпохи гражданской войны, воспетой режиссерами в довоенных фильмах?..

Семен Константинович остановился, спросив:

– Отдыхаете? А кто из вас будет вести огонь по врагу?

– А чем... вести? – спросил лейтенант. – Еще вчера были у нас д в а снаряда... Вот они! – и показал на горящие танки. – А больше снарядов нету. И где взять – не знаем.

(Генерал армии С. М. Штеменко не скрыл от нас зловещую правду: «В войсках не хватало боеприпасов и горючего, ХОТЯ ОНИ БЫЛИ на фронтовых и армейских базах. Их просто не умели подать. Впоследствии все запасы этих баз своевременно на восток не вывезли, и они достались противнику...»)

Тимошенко вернулся в свою машину. Долго сидел молча.

– Куда же теперь? – спросил его шофер.

– Сначала в Купянск.

– А потом?

– Наверное... скорее всего – в Сталинград!

Мимо них, обгоняя маршала, на полной скорости проскочил уцелевший танк с надписью на броне: «Вперед – на запад!»

– Во, драпальщик! – выругался шофер. – Довоевался, гад, до того, что запада от востока уже отличить не может... Такой вояка, глядишь, уже завтра в Сталинграде будет. Пивка, гад, выпьет да закусит волжской таранькой...

Семен Константинович вынул платок, долго вытирал мокрую от испарины большую крутолобую голову мыслителя. Но даже сейчас он не терял присущего ему бравого оптимизма.

– Ничего! – сказал он. – Мы фрицам так надавали, что теперь они еще не скоро опомнятся. Наше дело правое.

– Никто и не спорит, что правое, – согласился шофер...

Жаль, не слышал Тимошенко, что в эти дни говорил о нем Паулюс в кругу своих приближенных и ему подчиненных.

– Как сложится теперь судьба этого маршала? Очевидно, Сталин казнит его, как он казнил и других неудачников.

– Однако, – заметил доктор-историк и генерал Отто Корфес, – ни Козлова, ни Мехлиса он не тронул, хотя эти люди в Крыму, по сути дела, решили судьбу Севастополя, который не сегодня, так завтра будет взят Манштейном.

Полковник Вильгельм Адам сказал:

– Наверное, маршал Тимошенко, сделавший из своей армии наковальню, подставленную под удары нашего молота, сам догадается застрелиться. Вопросы воинской чести ко многому обязывают. Вспомните генерала артиллерии Беккера! Когда он запутался в вопросах баллистики, он покончил с собой – и был объявлен национальным героем...

Появился танковый генерал Альфред Виттерстейм, потрясая свежей нацистской газетой «Фёлькишер беобахтер»:

– Ура, ура, ура! – возвестил он. – Командующий нашей прославленной Шестой армией генерал Паулюс всенародно объявлен национальным героем... Убедитесь сами, – сказал Виттерстейм, разворачивая гигантские листы газеты Геббельса. – Вот и поздравления... даже от Роммеля из далекой Ливии!

* * *

Но Барвенковский и другие котлы еще жили, окруженные, не сдавались. Леса часто оглашались перестрелкой, взрывами последних гранат. Отрядами и поодиночке люди прорывались на восток. Это было нелегко. Это было почти невозможно. И все-таки они шли на прорыв. Иные с оружием. Иные даже без сапог. Случалось, выходили из котла целыми дивизиями. Сделав «прокол» в немецком фронте, люди штыками прокладывали впереди себя узенький коридор, стенки которого тут же смыкались за ними...

Именно в конце мая Родимцев встретил такую армию смельчаков. Сначала из леса выкатились сразу шесть Т-34, за ними двигалась пехота, артиллеристы с матюками катили на руках свои пушки (без снарядов). Люк переднего танка открылся, из него выбрался генерал Гуров, помахал рукою Родимцеву:

– Открыли «новую эпоху», яти их мать... начальники! Даже в прошлом году таких разгромов не знали. А отчего? Решили, что немец дурнее нас, мы его пилотками закидаем...

Кузьма Акимович прошелся по броне танка, громко бряцая по ней сапогами. С гусеницы генерал спрыгнул на траву:

– Задали мы работу историкам! Теперь они поковыряются в архивах, чтобы выяснить – кто виноват? Ладно. Пора думать – где остановить фрица?

Родимцев за эти дни высох. Почернел от беды.

– Кажется, нас ожидает кривая и большая излучина Дона. Где же еще, как не там, удобнее всего держать оборону?

– Тихий Дон... – призадумался Гуров. – А я всю жизнь мечтал Шолохова повидать. Чтобы он мне книжку свою подарил. Мол, «дорогому Кузьме Акимычу на память...». Теперь на глаза ему не покажусь! Вдруг он спросит: «Что ж ты, размазня паршивая, на мой тихий Дон фрица за собой притащил?..»

Коротко бывало счастье тех, кто вырвался из окружения.

Особисты армии Тимошенко уже заводили на Гурова дело:

– Что-то подозрительно – как он из котла выбрался? Может, его немцы сами и выпустили... с заданием?

Вот тут Никита Сергеевич взорвался.

– Хватит сходить с ума! – закричал он на особистов. – Мало вам, что немцы столько народу перебили, так теперь вы тех, что не добиты, под свой трибунал суете... Что это за война такая, если человек воюет за родину, а в душе червяк шевелится: коли враги не убьют, так свои прикончат... Хватит! Доигрались. Вот результаты – сами едва живы, а враги радуются.

Да, хватит...

17. Третий фронт

За это время, пока случались наши несчастья возле Керчи и в безысходных боях под Харьковом, на периферии войны произошло немало событий, которые так или иначе, раньше или позже, но отразились на делах нашего фронта, и они, эти события, скажутся потом в самом пекле битвы за Сталинград...

* * *

Гитлер постоянно третировал своего союзника Муссолини, но и дуче не оставался в долгу, безумно радуясь каждый раз, когда вермахту влетало от русских. Поражение немцев под Москвою он приветствовал словами: «Вот и подуло блаженными ветрами Бородино и Березины...» А его зять граф Галеаццо Чиано тогда же записал в дневнике: «Муссолини удовлетворен развитием событий в России, сейчас он даже не скрывает, что счастлив в связи с неудачами германских войск». Политика дуче была примитивна, но понятна: чем больше достается фюреру на Востоке, тем независимее становится он, дуче! Такова была подоплека его романа с Гитлером, и теперь ясно, почему любое известие об успехах русских Муссолини встречал почти умиленно.

– Не все же нам! – говорил дуче. – Мой приятель тоже бежит по сугробам, нажав полные штаны добра...

Гитлер доказывал Муссолини, что судьба его завоеваний в Африке зависима от усилий вермахта в России. Исходя из этого, он снова забрал авиацию со Средиземного моря, обещая взамен самолетов прислать свои подводные лодки. «Отныне, – записывал в дневнике граф Чиано, – английская авиация будет господствовать в нашем небе почти как в собственном...»

Муссолини навестил германский атташе Ринтелен:

– Запрос от Роммеля: почему не даете боеприпасов?

– Потому что ваша Германия не дает мне угля, необходимого для выплавки стали. У нас «снарядный голод». К тому же вы забрали из Италии ведущих инженеров на свои заводы...

Оставшись с зятем, дуче задохнулся от гнева:

– Фюрер, наверное, считает меня счастливым – хотя бы уж потому, что его посол в Риме еще не дает мне пощечин...

В окружении Муссолини граф Галеаццо Чиано более всех ненавидел Гитлера и его оруженосцев. За год до нападения на СССР он серьезно помышлял о договоре Рима с Москвою, чтобы таким политическим жестом сорвать все планы Гитлера. Это ему не удавалось. Не удалось и убедить тестя в том, что война Италии с Россией приведет к краху фашистского режима. Чиано, по мнению историков, был реальным и дальновидным политиком, но его руки были связаны женитьбой на Эдде, дочери Муссолини. Еще молодой человек, Чиано предвидел трагический финал – и свой и своей семьи, а потому жил, как на пиру Валтасара, целые дни пропадавая на пляжах с полуголыми красотками. В конце войны Муссолини привязал его к стулу и расстрелял, как предателя, со словами: «Ты изменил мне еще в ту ночь, когда впервые залез под одеяло к моей дочери...» Но перед смертью граф Чиано успел записать: «Политика Берлина по отношению к нам (итальянцам) была сплошной цепью вранья, интриг и обманов. С нами всегда обращались не как с партнерами, а как с лакеями...» Умный был человек, этот граф Чиано!

29 апреля дуче встретился с фюрером в Зальцбурге. Муссолини и сам любил поговорить, но Гитлер болтал и болтал, не давая слова сказать приятелю. Наконец он стал оправдываться в поражении под Москвою, все сваливая на русские морозы:

– Это был не стратегический, а скорее нервный кризис. Под сильным воздействием русского климата мои генералы сначала потеряли здоровье, а затем потеряли и головы. Ах, какие были морозы! – воскликнул фюрер. – У наших танков лопались радиаторы, у солдат пальцы, носы, уши и даже веки глаз, отмороженные, падали на землю, как сухие листья с деревьев, что, конечно, вызывало приступы нервной паники...

– Это ужасно! – согласился Муссолини (он же и сберег эту речь Гитлера о «сухих листьях» в анналах истории).

Гитлер заверил дуче, что в наступившем 1942 году предстоит скорое падение Ленинграда и конечный штурм Севастополя:

– Первый падет от голода, а на второй Манштейн обрушит всю мощь германской артиллерии самого крупного калибра...

Но при свидании в Зальцбурге фюрер с а м просил Муссолини усилить войска КСИРа новыми дивизиями, и дуче обещал.

– Надо убрать и Джованни Мессе, – настаивал Гитлер, – этот генерал не мог взять даже Хацпетовки, но зато все время ругался с нашими генералами. Согласен и на Итало Гарибольди...

Полковник Кьяромонти, прибыв с фронта, нахвастал дуче:

– У меня служил пулеметчик-сицилиец. В бою русские оторвали ему правую руку. И что же? Он нажал на спуск зубами и больше не разжимал их, пока от страшной вибрации пулемета у него не выскочили изо рта все зубы. Я сам, – говорил полковник, – потом и собирал на снегу эти белые зубы без единой в них пломбы.

– Галеаццо, – позвал дуче зятя, – ты слышал, какие герои в нашей армии? Таких надо принимать в партию без кандидатского стажа! Кьяромонти, назови мне его фамилию.

Но фамилию тот... забыл. Главным театром войны Муссолини всегда считал фронт в Африке. Но, отчаянно цепляясь за барханы пустынь, за редкие колодцы и одинокие финиковые пальмы, Муссолини никак не мог отказаться и от войны в России; после свидания с Гитлером он готовил армию АРМИР, которая должна была в войне с русскими заменить его корпус КСИР.

Муссолини помнил о просьбе Гитлера.

– Итало, – внушал он генералу Гарибольди, – твоя задача не отставать от немцев, чтобы мы не остались в дураках, получив в конце войны только фунт русского мяса, да и то с выдачи фюрера. Джованни Мессе хороший фашист, он всегда поспевал к обеду, когда русские уже отмывали посуду после немцев...

Весною он послал в Германию делегацию инженеров и военных, чтобы детально ознакомиться с советским танком Т-34.

– Мы такого еще не видели! – доложили по возвращении специалисты. – Это не танк, а какая-то прима, способная на своих траках делать воздушные фуэте даже посреди болота...

Гитлер сам предложил Муссолини купить у него свои разбитые в России танки Т-III и Т-IV, и тут дуче взвился до небес:

– Гитлер и здесь желает вытопить сало из комаров! Видно, допекли его русские. Теперь он гонит с конвейера новые танки, а нам всучивает свои дырявые кастрюльки... Я сам отвечу фюреру, что фашистский танк Р-40 даже на песках Ливии легко развивает сорок два километра – больше немецких!

В конце мая Рим навестил генерал Джованни Мессе, еще не знавший, что его хотят спихнуть за неумение ладить с немцами. Обеспокоенный слухами об увеличении итальянских дивизий в России, он рассуждал с дуче, как с товарищем по партии, открыто, ничего не утаивая:

– Второй зимы в России нам просто не пережить... без тулупов и валенок! А немцы, кажется, уже мечтают о Волге. Нашу армию в России надо не увеличивать, а сокращать, пока

русские не сократили ее до таких размеров, что для возвращения КСИРа домой вполне хватит одного товарного вагона...

Грудь Мессе украшал Железный крест – от Гитлера, и крест Савойского ордена – от короля Виктора Эммануила.

– Не дури, Джованни, – отвечал дуче, – за столом мирной конфедерации, когда мы посадим Сталина на стульчак в нужнике, двести двадцать тысяч наших солдат в России будут весить больше, нежели шестьдесят... Давай бодрее смотреть в будущее!

– Давай, дуче, – согласился Мессе. – Я считаю, что эту авантюру на Востоке пора кончать, и пусть немцы сами возьмется со Сталиным, а нашим ребятам там нечего делать.

– Ты паршивый фашист, Джованни! – упрекнул его Муссолини. – Тебе надо брать пример со своих солдат, которые не жалеют оставить в русских сугробах даже свои прекрасные зубы.

– Вместе с зубами останутся там и их головы.

– Что ты хочешь этим сказать, Джованни?

– Русские никогда не мешали жить Италии, и мои солдаты не понимают, каким ветром их туда занесло. Даже старые члены партии, получив свое под Харьковом, спрашивают меня об этом. Если от меня решили избавиться, – заключил Мессе, – так я не пропаду и на макароны себе как-нибудь всегда заработаю.

– Но не больше того! – обозлился дуче...

Между тем граф Чиано поддержал именно Мессе:

– Если мы обратимся к народу Италии, он выскажется за лучшие отношения с Россией, которая всегда поставляла нам кубанскую пшеницу для выделки тех самых спагетти, которыми мы и прославились. Разве не так? – спросил граф. – Между славянской и латинской расами легче всего достичь обоюдного понимания.

– Помолчи хоть ты, Галеаццо! Если бы ты не был мужем моей дочери, я бы сразу напоил тебя касторкой...

Чиано доказывал: «Нужно обратиться к сердцу итальянцев. Дать им понять, что речь идет не о судьбе партии, а о родине – вечной и общей для всех, стоящей над людьми, над временем и над фракциями». На место Джованни Мессе назначили Итало Гарибольди – стареющего жуира с подкрашенными усами, который тщательно следил за развешиванием орденов на своем мундире, требуя от своих подчиненных такой же аккуратности. Корпус КСИР был увеличен до 220 000 человек, получив новое название – 8 армия АРМИР. Для сравнения скажу, что 6-я армия Паулюса насчитывала в своих рядах много больше солдат, нежели этот АРМИР...

Перед отъездом в Россию расфранченный и преисполненный гордости Итало Гарибольди нанес прощальный визит графу Чиано:

– Кого мне благодарить за назначение в Россию?

– Благодарите Гитлера... это он считает, что старый и глупый дурак по имени Итало Гарибольди будет лучше слушаться немцев, нежели молодой и строптивый Джованни Мессе.

В подкрепление Гарибольди дуче выделил и дивизию альпийских стрелков с альпенштоками – лазать по скалам. По прибытии их в Россию ветераны-итальянцы, уже обстрелянные под Хацепетовкой и под Харьковом, сразу оценили боевое значение альпенштоков:

– Вот чем удобно сшибать головы гусям и уткам!

– А еще лучше охотиться за приткими советскими кошками...

К далекому маршу на Сталинград собирались лучшие дивизии дуче – «Коссерия», «Сфорцеска», «Винченца». Но на русских колхозников самое сильное впечатление произвело прибытие славной дивизии «Равенна», солдаты которой носили красные галстуки:

– Гляди-ка, Маня! Никак, пионеров прислали?

– Сейчас разведут пионерский костер и начнут кошек жарить...

Конечно, война с Россией нужна была Муссолини из политических видов, но всей душой он болел за дела в Африке, где его мощь представлял все-таки немец – Эрвин Роммель. Между

нами, читатель, говоря, на конюшне дуче уже холили белого коня, на котором Муссолини соби-
рался въехать в Каир...

* * *

островком наслаждений – посреди страшного моря разрухи, страданий, концлагерей, голода, убийств и пожаров, объяввших полмира. Война бушевала где-то там, в далекой и мало-
понятной России, а здесь, под самым боком итало-германской армии Роммеля, до утра ворко-
вали саксофоны ночных дансингов, магазины ломились от обилия редкостных товаров, ресто-
раны изощрялись в достоинствах своих фирменных кухонь, спорт чередовался с флиртом,
борьба на теннисных кортах обсуждалась в Каире с такой же важностью, как и вопросы страте-
гии. Процветала атмосфера сплетен, секса, спекуляций и восточного кейфа, где чашка йемен-
ского кофе с турецкой сигаретой становилась приятным дополнением к чтению досадных и
малоприятных военных сводок. Штабы Окинлека занимали лучшие отели Каира – поближе
к купальным бассейнам и площадкам для гольфа. Выгнать их отсюда на фронт было почти
невозможно...

Это об офицерах. А что же британские солдаты?

Британские «томми», дети нищеты доков Глазго, дети трущоб Лондона, попав в этот ска-
зочный Вавилон, даже не подозревали, что в мире возможна такая сладкая жизнь. Война в
Ливии их мало касалась – для этого хватало мужества австралийцев, новозеландцев, греков,
чехов, поляков, евреев, киприотов, африкандеров и даже отчаянных гурков из Индии, кото-
рые с ножами в зубах кидались на пушки Роммеля. У себя в метрополии «томми» радовались
и овсяному супешнику с куском засохшего пудинга, а здесь, в Каире, они брезгливо ковыря-
лись в экзотических блюдах Востока, лениво оценивая «танец живота» местной чертовки. Из
тощих заморышей они превратились в откормленных и ленивых тельцов, недаром же Джеймс
Олдридж, знавший обстановку Каира, прямо и беспощадно называл их «краснорожими» без-
дельниками.

Но Мальта не сдавалась, а Тобрук еще держался.

Роммелю исполнилось 48 лет. Яркий и талантливый индивидуалист, живущий только
собой, он не терпел чужих советов, ненавидел чтение официальных бумаг и писем, даже не
отвечал на запросы Гитлера и Муссолини, а когда его одолевали визитеры, он садился в бро-
нетранспортер и укатывал в пустыню – ищите его! Сейчас он укрывался от зноя под куполом
мусульманского мавзолея.

– Мальта на совести воздушного флота Кессельринга, – говорил Роммель, – а я, наверное,
давно бы взял Тобрук, если бы Окинлек не зачислил в гарнизон и германских эмигрантов. Там
полно друзей Эрнста Тельмана! Им совсем не хочется побывать на Принц-Альбертштрассе
– в кабинетах гестапо, вот они и вцепились в этот Тобрук... Тома, гляньте в карту: нет ли
поблизости хоть захудалого колодца с питьевой водой?

– Есть. Но его удерживают французы де Голля.

– Меллентин, – повернулся Роммель к начальнику разведки, – откуда здесь взялись вой-
ска «Свободной Франции»?

– Из Сирии... Де Голль уже предлагал эти войска Сталину для включения их в состав
Красной Армии, но Черчилль, прослышав об этом, моментально перетащил их в оазис Эль-
Бир-Хакейм – как можно дальше от русского фронта...

Киренаика знавала и лучшие времена. А теперь гусеницы танков раскрошили остатки
римских терм, в которых некогда, еще на заре человечества, омывались философы и поэты; из
катакомб первых византийских христиан дробно стучали английские пулеметы. При сильном
откате орудий их сошки иногда выскребали из почвы осколки древнейших мозаик, плитки с
непонятными письменами... Роммель изнывал от жары.

– Меллентин, куда же эти берлинские умники загнали всю мою авиацию, чтобы я не имел крыши над головой?

– Под Севастополь, где у Манштейна давно трясутся манжеты. А лучшие наши эскадрильи Геринг перевел на север Норвегии, откуда они станут бомбить караваны, идущие в Мурманск. Танки же, приготовленные для Ливии, передаются теперь Шестой армии Паулюса, что залезает в страну донских казаков.

– С в и н ь и! – выразился Эрвин Роммель...

К мавзолею подкатил измятый бронетранспортер.

– Колодец взят, – доложили Роммелю. – Но пить нельзя: англичане оставили в нем целый мешок поваренной соли.

– Благородно с их стороны... с в о л о ч и! Я заставлю этого Окинлека хлебать мочу старых, больных верблюдов. Но даже эту мочу я стану выдавать Окинлеку по капле – через пипетку...

Солнце стояло в зените. Пустыня звенела от мириадов мух, роившихся над лужами поноса, над почерневшими от загара мертвецами. Тесного соприкосновения противников не было, можно ехать часами – и пустыня поражала безлюдьем. Оборона держалась в боксах (опорных пунктах), вокруг которых процветали знаменитые «сады Роммеля» – плотные минные поля. Окинлек же, в свою очередь, отгораживался от немцев своими взрывоопасными «оранжереями». Англичане имели 850 крейсерских танков и 420 держали в резерве. Эрвин Роммель имел лишь 280 полноценных машин, остальные танки давно можно было списать как безнадежно устаревшие. Уверенные в своей обороне, англичане от самого Каира обставили пустыню магазинами с холодильниками, в которых всегда было свежее холодное пиво. Это обстоятельство особенно возмущало генерала Тома; он, как нищий, подбросил на спине вещевой мешок и сказал:

– Они там хлещут пиво, не забывая при этом как следует посолить воду в арабских колодцах... джентльмены!

Роммель тоже страдал от амёбной дизентерии.

– Геринг, старое трепло, – авторитетно заявил он, не стесняясь в выражениях, – обещал «воздушный мост» со стороны Крита, а мы сливаем в баки не больше ста пятидесяти тонн горючего в сутки. Автоцистерны гоняются за мною от самой Бизерты за тысячи миль, пожирая на маршруте столько, что танкам остается лишь дососать бензин со дна их цистерн...

Из трофейного джипа высадили пленного британского майора. Опрятное хаки. Ботинки из серого шевро, запах лоригана.

Казалось, майора взяли со светского фэйф-о-клока. Он поигрывал элегантной метелочкой, отгоняя насекомых. Роммель громко зевнул, глянув в его документы. Членский билет аристократического клуба в отеле «Семирамида». Чековая книжка каирского «Барклайз-банка» с внушительным счетом.

Все это Роммелю было известно.

– Конечно, – сказал он, – с такими деньжатами жить можно. Меллентин, поговорите с ним сами, а я завалюсь спать...

Меллентин начал допрос – почти с юмором:

– Хорошенькая война, не правда ли? Надеюсь, вы не в обиде за то, что мы оторвали вас от партии в бридж и вечернего фокстрота на крыше ресторана «Шепердс»? Кстати, танцовщица Тахия по-прежнему берет по десять фунтов за ночь?

Пленный смотрел на Меллентина с удивлением:

– Кажется, любовный прейскурант ею давно пересмотрен. Теперь она берет десять фунтов только за разговор с нею...

Джеймс Олдридж в своей монографии «Каир» писал, что армию Окинлека составляли не только прожигатели жизни, но еще и «безнадежные идиоты». Очевидно, этот майор как раз и принадлежал к их числу, ибо сразу выдал секретную дату – 7 июня.

– В этот день танки Окинлека сомкнут вас, – сообщил он, ударом метелки пресекая жизнь мухи на своем затылке...

Извещенный об этом, Роммель заранее – 26 мая – упредил Окинлека превентивным ударом. После войны германские историки не раз делали «попытки скрыть зависимость военных действий в Северной Африке от событий на советско-германском фронте, чтобы оправдать Роммеля». По их словам, во всем виноват остается Гитлер, который, вместо того чтобы продолжать натиск на Мальту, растянул коммуникации Роммеля, требуя от него взятия Каира, о чем так мечтал и Бенито Муссолини.

Но у Роммеля, помимо Гитлера и Муссолини, был свой искусный сатана, который и таскал его за собой по пескам Киренаики, чтобы «африканские качели» не переставали скрипеть под стенами Каира, мешая спокойно спать Черчиллю...

Что еще сказать вам? Скажу, что Паулюс обладал холодным академическим умом теоретика, малоспособным к завихрению страстей, зато вот его африканский приятель Эрвин Роммель действовал чаще по вдохновению – с бухты-барахты, как принято говорить среди нас, русских. Отрицать вдохновение глупо!

Может, именно по этой причине Эрвин Роммель намного раньше Паулюса получил чин фельдмаршала.

Полководцы, желаю вам быть вдохновенными!

* * *

В эти дни Уинстон Черчилль, политик смелый и хитрый, был озабочен военно-политическим вопросом большой важности:

– Как предупредить Сталина, что второго фронта в этом, сорок втором году не будет? Но мне, очевидно, предстоит убедить этого восточного деспота в том, что третий фронт против армии Роммеля в Африке и есть тот самый второй фронт, открытия которого с таким нетерпением ожидают русские.

Готовилась операция «Торч» («Факел»), чтобы пламя этого факела разгорелось над Африкой. Но как Африку выдать за Европу? В эти же дни – в далекой Америке – генерал Эйзенхауэр писал еще более откровенно: «Высадка в Северо-Западной Африке (в Марокко) должна начаться в тот момент, когда Германия настолько завязнет в России, что она не сможет снять с Восточного фронта ни одной своей дивизии».

Но Эрвин Роммель опередил противников...

18. Результат

Окружение... И никаких надежд вырваться из котла не оставалось, как не оставалось и генералов – все героически погибли в Барвенковском котле, который устроили им немцы не без помощи излишне «вдохновенного» маршала Тимошенко.

Больно. Почему так? Бездарные и самовлюбленные карьеристы не раз сдавали в плен врагу целые армии, а их подчиненные, попав в неволю, потом всю жизнь носили несмываемое клеймо изменников и предателей, чтобы после войны из гитлеровских концлагерей перекочевать в концлагеря сталинские.

Окружение... В редких перелесках и на дне размытых оврагов Харьковщины еще стучали робкие выстрелы. Нет, уже не отстреливались от врагов, а стреляли в себя, чтобы избежать позора. Партийные говорили товарищам по несчастью:

– Ну что, добры молодцы? Не пора ли погреться?..

Разводили маленькие костерки, на которых стыдливо сжигали партийные билеты и личные письма. Под корнями деревьев окруженцы зарывали ордена, питая слабую надежду на то, что после победы вернутся сюда обратно и откопают свои награды. Барвенковский выступ, столь удобный для развития викториальных фантазий горе-стратегов в Кремле, теперь превратился в жесткий котел, из которого не выбраться. Немцы прочесывали окруженцев трассирующими, швыряли в ночное небо ракеты, иногда покрикивая:

– Эй, рус, кончай ночевать! Хеңде хох... сдавайс...

Не так-то легко выйти на большак и поднять руки.

Разговоры же среди окруженных были известно какие...

– Я этого котла ожидал... с первого же дня, как поперлись, – говорил седой полковник. – Еще за месяц только и болтали, где и как пойдём Харьков брать, вот и доболтались. Если все мы знали о предстоящем наступлении, так и немцы готовились.

– Пожалуй, – согласился молодой капитан. – Ух, как обрадовались в первый день, когда нажимали. А немцы того и ждали, они пожертвовали своими заслонами, чтобы взять нас в клещи.

– Страшно! – сказал рыжий сержант.

– Всем страшно, не тебе одному.

– А мне всех страшнее. Я-то, видит Бог, должен сейчас радоваться. У меня до козырька причин, чтобы ненавидеть эту, яти ее мать, советскую власть и этого гада усатого.

– Полегче, приятель, – предупреждал его особист.

– Заткнись, курва! – отвечал сержант без страха. – Моего деда еще в коллективизацию шуранули на край света, где и загнулся с бабкой. А моего отца при Ежове к стенке прислонили в подвале да в лоб всадили ему пулю, чтобы башка не шаталась. Сижу с вами и думаю: живым бы в землю зарыться, чтобы немцы не нашли, а в плен не пойду... Я не за вашу партию воевал, а за то, что раньше именовали Отечеством...

По украинским древним шляхам день и ночь тянулись длиннейшие и неряшливые колонны военнопленных. Берлинские фанфары завывали на весь мир, празднуя победу. Геббельс возвестил по радио, что вермахт непобедим и под Харьковом он пленил 240 000 советских военнослужащих. И каждый из плененных уносил в своем сердце большую гражданскую и человеческую боль, от которой не избавиться до конца всей жизни... Кто виноват?

* * *

Сталин молчал. Наш историк А. М. Самсонов в научной монографии «Сталинградская битва» сообщает: «Причины этих трагических для советского народа событий долгое время

не исследовались». Их попросту замалчивали! Мне, автору, понятно – почему: стыдно было признать страшные ошибки и, наверное, не стоило беречь в народе незажившие раны.

Сталин молчал. Великая страна болезненно переживала два страшных поражения – под Керчью и под Харьковом. Это легко написать, но сколько осталось сирот, сколько слез пролито вдовами, сколько горя выпало матерям! Сейчас уже не проверить, сколько людей погибло, сколько попало в плен; известно, что из окружения вышло лишь 22 000 человек. Среди них только два генерала – К. А. Гуров и А. Г. Батюня.

Сталин молчал. На этот раз он никого не винил, понимая, что виноват сам. Виноват в том, что отверг мнение Генштаба и пошел на поводу заверений Тимошенко, который заблуждался сам и вводил в заблуждение других. Теперь советские историки, анализируя причины неудачи под Харьковом, выделяют и этот факт – неверная информация Ставки о действительном положении на фронтах...

Ах, как ему хотелось предстать перед миром в прекрасной роли «величайшего полководца всех времен и народов», а теперь... Хорошо владея собой, он встретил Хрущева вопросом:

– Немцы по радио хвастают, что взяли в плен больше двухсот сорока тысяч, почти четверть миллиона... Врут, наверное?

Никита Сергеевич и сам с ног до головы был виноват в том, что произошло, но, однако, имел мужество не кривить душой:

– П р а в д а, товарищ Сталин! Вся наша армия там осталась, а немцам сейчас нет смысла врать...

А кто виноват? Кого посадить? Кого расстрелять?

– Под Харьковом четверть миллиона да эти дураки, Козлов с Мехлисом, сдали под Керчью еще сто пятьдесят тысяч наших бойцов, вот и полмиллиона – словно корова языком слизнула...

Ни маршал Тимошенко, ни член Военного совета Хрущев не пострадали, и это понятно – почему. Признать их виноватыми для Сталина означало признать и свою вину за поражение под Харьковом, а он, великий и гениальный, все заранее предвидящий и все понимающий лучше других, ошибок за собой никогда не признавал. Но несчастного библейского козла отпущения, изгнанного в пустыню за чужие грехи, следовало отыскать. И будьте уверены, читатель, он его скоро отыщет...

Только через месяц – 26 июня – Сталин признал:

– Под Харьковом нам выпало пережить катастрофу, подобную той, что случилась в четырнадцатом году с армиями Самсонова и Ренненкампа в Восточной Пруссии...

Поразмыслив, он дал указание для Совинформбюро:

– Сейчас народу надо сказать всю п р а в д у...

Но говорить правду народу – это не в характере Сталина, и потому холуйски-услужливое Совинформбюро признало, что под Харьковом «пропало без вести» 70 000 советских воинов.

– Пусть об этом знают враги и друзья, что мы, большевики, говорим только правду, – утверждал Сталин...

Да, я согласен, что тогдашние сводки казались нам жестоко-объективны, иногда поражая откровенностью в признании слабостей нашего командования. Возможно, они порой выглядели даже излишне трагически. С какой целью? Эта обостренная доля правды должна была еще раз напомнить союзникам, что хватит уже «стоять с ружьем, приставленным к ноге», что второй фронт крайне необходим. Враги тоже понимали это. Германский историк Типпельскирх писал: «Открытое признание (Сталиным) поражения было первым, но не последним призывом русских к своим союзникам – не оставлять их будущим летом одних выдерживать натиск немцев...» Мнимая откровенность Сталина была, по сути дела, призывом о помощи.

– Черчилль, – говорил Сталин, – обещал, что со вторым фронтом поспешит, а наше дело – выстоять под Москвою...

Сталин по-прежнему был твердо уверен в том, что летом немцы снова будут наступать на Москву. Напрасно наша разведка проникла в тайны кабинетов ОКВ и ОКХ, докладывая «наверх», что летом вермахт будет развернут в двух направлениях – на Кавказ и на Волгу, но переубедить Сталина было невозможно:

– Гитлер верен своему правилу! Захватив столицу в Европе, он уже считался победителем всей страны...

В таком случае фельдмаршалу фон Клюге (командующему «Центром») было совсем нетрудно укрепить товарища Сталина в его несомненной правоте, и он очень искусно проводил операцию «Кремль», чтобы наш дорогой товарищ Сталин и остался в дураках.

Немецкая авиация демонстративно вела аэрофотосъемку подступов к Москве, полевые радиостанции «Центра», обычно осторожные, болтали о передислокации частей, в сумках убитых офицеров все чаще находили планы окраин столицы, партизаны докладывали, что немцы мастерят столбы дорожных указателей – на Москву! Немецкие офицеры, угодившие в наш плен, на допросах охотно показывали, что сейчас фельдмаршала Клюге интересует оперативная линия: Тула – Москва – Калинин. Если суммировать все эти данные, сомнений не возникало: враг уже готов повторить удар по нашей столице.

Сталину доложили, что Клюге ведет сильные атаки на Московском направлении, и наконец перед ним на стол выложили подлинный приказ фельдмаршала от 29 мая. Вот его начало:

«ДОКУМЕНТ № 1

Командование группы армий «Центр» Штаб 29.5.1942 г.

Оперативный отдел № 4350042. 22 экземпляра

Совершенно секретно 20-й экземпляр

Документ командования штаба:

Совершенно секретно!

содержание: «КРЕМЛЬ»

документ командования

Передавать только офицерам

ПРИКАЗ О НАСТУПЛЕНИИ НА МОСКВУ

(карта 1:1 000 000)

1. Главное командование сухопутных войск отдало приказ о возможно скорейшем возобновлении наступательной операции на Москву...» и так далее.

Даже первого пункта этого приказа Сталину было достаточно, чтобы он окончательно уверовал в свои предначертания.

– Вот! – говорил он, даже довольный. – Теперь ни у кого не может быть сомнений относительно летних планов Гитлера...

Наш историк А. М. Самсонов признает: «Тот факт, что Советское Верховное Главнокомандование не разгадало подлинных намерений противника на летнюю кампанию 1942 года, позволяет предполагать, что это крупное дезинформационное предприятие фашистов не осталось без последствий». Смею думать, что Сталин еще более утвердился в своем ошибочном мнении после того, как маршал Тимошенко доложил ему с фронта:

– Товарищ Сталин, по моему глубокому убеждению, противник в настоящий момент на юге уже мною ослаблен, способный лишь на вспомогательные удары. Все свои главные силы он придерживает, конечно, для нового удара по Москве...

План операции «Кремль» и эти прогнозы маршала Тимошенко имели одну общую дату – 29 мая. Конечно, это случайное совпадение, какими история иногда любит шутить над нами.

...Эта книга была уже написана мною, как вдруг недавно, буквально на днях, я раскрыл свежий номер «Военно-исторического журнала» и понял, что Сталин все-таки отыскал главного виновника разгрома армии Тимошенко под Харьковом. Им оказался, конечно же, Иван Христофорович Баграмян!

«Товарищ Баграмян, – диктовал Сталин, – не удовлетворяет Ставку не только как начальник штаба, призванный укреплять связь и руководство армиями, но не удовлетворяет Ставку даже и как простой информатор, обязанный честно и правдиво сообщать в Ставку о положении на фронте. Более того, т. Баграмян оказался неспособным извлечь урок из той катастрофы, которая разразилась на Юго-Западном фронте... благодаря своему легкомыслию не только проиграл наполовину уже выигранную Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 18–20 дивизий...»

Длинные колонны наших военнопленных – несчастных.

Виноватого нашли! Легендарный «стрелочник» необходим...

* * *

В самом конце мая Харьковская операция закончилась, и Паулюс спросил своего квартирмейстера фон Кутновски:

– Каковы потери моей армии в минувшем сражении?

– Двадцать две тысячи.

– Почему такая округленная цифра?

– Калькуляция потерь подведена лишь условно. Много пропавших без вести, еще отыскивают раненых. Кажется, – добавил Кутновски, – мы с трудом выбрались из этого кризиса?

– Да, – не скрывал от него Паулюс, – под Харьковом иногда возникали моменты, когда я думал, что город придется оставить. Но виновником моих опасений было упорство русского солдата, а никак не упрямство маршала Тимошенко... Впрочем, Наполеон был прав: Бог всегда на стороне больших батальонов!

Полковник Адам настраивал радиоприемник. Из трескотни эфирных помех вдруг выделилось имя Паулюса, Берлин голосом Ганса Фриче возвестил о том, что генерал-лейтенант танковых войск Фридрих Паулюс за полный разгром армий маршала Тимошенко возводится фюрером в кавалеры рыцарского креста.

– Признаюсь, – сказал Паулюс, – я надеялся на следующий чин генерал-полковника. Но стоит радоваться и кресту, ибо получение его сопряжено с приятным визитом в столицу...

Самолет приземлился в Темпельгофе лишь в два часа ночи, и Паулюс был безмерно удивлен, встретив Франца Гальдера, который ждал его. Скупно поздравив с наградой, Гальдер сказал:

– Мне без вас трудно работается, вы умели ладить с этим психопатом, а мы с ним грыземся, словно бродячие собаки из-за каждой кости. Я с трудом переносу его оскорбления, от которых краснеют не только стенографистки, но даже Кейтель с Йодлем. Садитесь в мою машину, дорогою переговорим. – Едва захлопнув дверцу, Гальдер сразу же начал бранить фюрера за непонимание самых насущных законов стратегии. – После ошеломляющей победы

под Харьковом разве не абсурдно ли последующее расчленение армий на две группировки с дирекцией – на Кавказ и на Сталинград? Русские передуют нас там поодиночке...

Паулюс не желал драматизировать летние планы:

– Что бы вы сделали на месте фюрера, Гальдер?

– Сейчас мне хватило бы лишь *одного* Сталинграда.

– Но тогда моя Шестая армия образует невыгодный клин с необеспеченными флангами от Воронежа до Ростова, вот тогда-то меня русские и задушат...

Гальдер сказал, что падение Воронежа (со стороны барона Вейхса) и возврат Ростова (со стороны Клейста) будут обеспечены в ближайшее время.

– Таким образом, ваша боязнь за свои драгоценные фланги отпадает сама по себе. Дело не в этом! – многозначительно произнес Гальдер и замолк, надвинув козырек фуражки на глаза.

Машина мчалась во мраке, пронзая улицы Берлина, еще два-три поворота, и они выедут на Альтенштайнштрассе.

– Вы, кажется, не поняли меня, – продолжил Гальдер. – Выходом к Волге я бы разом перекрыл все краны, из которых русские черпают горючее, и Красная Армия скончалась бы сама в жестоких корчах топливной дистрофии. Но при этом нам не пришлось бы штурмовать Эльбрус и залезать в Баку!

– И вы ждали меня, чтобы...

– Ждал. Чтобы просить вас, Паулюс, при свидании с фюрером убедить его высочайшее невежество в стратегической выгоде одного лишь Сталинградского направления.

– Обещаю. Но при условии, если ваши оперативные сентенции не нарушат ритуала моего награждения...

(Оба они, и Гитлер и Гальдер, желали выиграть войну, теперь уже если не оружием, то хотя бы топливным дефицитом советской промышленности, конкретным наличием советских двигателей. Но подходили к этой победе разными путями. Гитлеру хотелось сосать горючее прямо из нефтяных скважин Кавказа, а Гальдер, более осторожный, желал лишь перекрыть Волгу, которая в те годы была для нас главным «нефтепроводом». Мне, автору, трудно давать оценку вражеским рассуждениям. Я сошлюсь на мнение видного английского историка Лиддела Гарта; в книге «Стратегия непрямых действий» он писал о планах вермахта на Кавказе: «Это был тонкий расчет, который был ближе к своей цели, чем принято думать...»)

Дома Паулюса не ждали; разбуженная его появлением жена, оказывается, все уже знала – по газетам.

– Рыцарский крест, – горячо шептала она, – к нему бы еще мечи и дубовые листья. А потом и жезл фельдмаршала... Ах, Фриди! Как я счастлива, что стала твоей женой... Мне последние дни все чаще вспоминался давний Шварцвальд, наша первая прогулка в горы, где у тебя закружилась голова.

– Коко, спасибо тебе за все! – отвечал Паулюс. – Но голова у меня кружится и теперь. Я трудно переношу всякую высоту...

Берлин сильно изменился. Высокие заборы отгораживали здания, уничтоженные английскими фугасками. Прохожие выглядели озабоченно. Семью Паулюса нужда не коснулась, но другие – не элита общества! – получали в неделю 250 граммов сахара, столько же маргарина, который иногда заменяли свекольным мармеладом. На все продукты были введены карточки, ордера-бецугшайны – на одежду и обувь, особые талоны – купоны – на обед в ресторанах. Горничная рассказывала Паулюсу:

– Множество талонов и карточек! На случай отпуска, болезни и регистрации брака. Карточки для тех, кого еще не бомбили, и карточки для тех, кто уже испытал это безумное удовольствие, для инвалидов другие – с повышенной калорийностью. Если бы не посылки солдат с Украины, я не знаю, как бы мы тут жили...

В подворотнях Берлина торчали безногие и безрукие калеки. Выкриками на ломаном русском языке они давали понять, что побывали на Восточном фронте. Их выкрики, порою грубые, иногда безобидные, зачастую предназначались тем же русским людям, насильно угнанным в Германию, и теперь эти «рабы» ковырялись лопатами в канавах, они чистили трамвайные пути, разбирали руины зданий... Странно, что на московских радиоволнах слышались задорные частушки, а немцы казались подавленными. Бархатный воротник генеральского мундира ласкал шею Паулюса, которую облегла лента рыцарского креста. Гитлер долго тряс руку, заглядывая прямо в глаза:

– Сейчас есть два громких имени в Германии – это вы и Роммель! Я всегда высоко оценивал ваши способности и был рад доверить вашему руководству именно Шестую армию, лучшую армию вермахта. Надеюсь, победа под Харьковом послужит для вас удобным трамплином для прыжка через Дон – прямо к Волге! Помните, что я вам сказал однажды: с такою армией, какова Шестая, можно штурмовать даже небо...

После таких слов терялся всякий смысл отстаивать брюзгу Гальдера, и Паулюс вскинул руку в нацистском приветствии.

– Служу великой Германии, – был его ответ по уставу...

Геббельс в эти дни сотворил из Паулюса кумира всего вермахта, сделал из него популярный «боевик» для своей пропаганды. Газеты именовали Паулюса подлинно народным генералом, вышедшим из народных низов, его называли героем нации, портреты Паулюса были выставлены в витринах магазинов на Курфюрстендам, их показывали в обрамлении лавровых венков. Правда, подле изображения Паулюса всегда соседствовали и портреты его приятеля – Эрвина Роммеля. Иногда меж них являлся и весело хохочущий Курт Зейдлиц, аристократ с лицом деревенского парня, герой прорыва окруженной армии из губительного Демянского котла...

– Фриди, ведь это слова, – говорила Коко, стараясь не выдавать своего ликования. – Когда смотрят на тебя, то все невольно оглядывают и меня. Расскажи мне еще раз о нашем сыне.

– Не волнуйся. Доктор Фладе следит за его здоровьем. Я его отправлю погостить к румынскому дяде и твоему брату, пусть он восстановит силы на королевском курорте в Пределе...

Паулюс появился с женою в опере и за спиной не раз слышал восторженные голоса: «Паулюс... тот самый! Герой нации и любимец фюрера...» Да, это была слава, которая не так уж часто ласкает честолюбие полководцев. Он нашел время навестить сестру Корнелию, у которой застал какую-то тихую пожилую женщину, всплакнувшую при виде Паулюса, и он с большим трудом узнал в ней ту самую девицу, что давным-давно была в него влюблена:

– Неужели вы... Лина Кнауфф?

– Увы! Была. А теперь... вдова Пфайфер. Я счастлива, что вижу вас снова, а вы такой же стройный, как и в молодости...

Это свидание невольно всколыхнуло былое. Паулюс с какой-то минорной грустью вспомнил прежние годы, не забыв и тот гороховый суп, что приносил из тюрьмы бедный и добрый отец.

– А как ведь было вкусно! – сказал он...

Дела звали на фронт. Паулюс устроил прощальный ужин в ресторане «Фатерлянд» на Потсдамской площади. Среди множества его богатых залов – баварского, рейнского, саксонского и прочих – он выбрал для себя родной гессенский зал.

– Что вам угодно? – склонился метрдотель.

– Картофельные оладьи, – ответил Паулюс.

– Простите, я не ослышался? У нас ведь очень богатая кухня, в «Фатерлянде» кормят гостей не по карточкам.

Паулюс не изменил своим привычкам:

– Олады! С луковой или грибной подливкой... К сожалению, у меня строгая диета, а я должен оставаться в форме.

* * *

Долго-долго тянулись от Барвенкова многотысячные колонны военнопленных, которых совсем не кормили. Потом, когда их загнали за колючую проволоку, всем дали – ешь, сколько влезет! – по миске круто сваренной баланды из могоара. Наш художник Владимир Бондарец, угодивший в плен под Барвенковым, описал нам, каковы были последствия этой кормежки: «Многие сразу поняли весь ужас своего положения, перепуганно приуныли и целыми днями висели на краю зловонной ямы, пытаясь проволочной петлей извлечь из себя затвердевшую пищу. Но было уже поздно...» Тысячи, десятки тысяч трупов там и остались. Если бы Сталину рассказали об этом, он скорее всего ответил бы убежденно:

– А не надо было изменять родине...

Дикая мораль! По мнению Сталина, советский человек, если ему угрожает плен, обязан покончить с собой. Для «вождя народов» как бы не существовало многовековой военной истории, в которой всегда бывали пленные, но никакой тиран не требовал от своих верно-подданных, чтобы они стрелялись, вешались, травились или резались. В самой идее Сталина было заложено *безнравственное начало!* Никогда не щадивший людей, он от людей и требовал невозможного – чтобы они тоже не щадили своих жизней.

Да, он умышленно не подписывал Женевскую конвенцию! Мне рассказывали люди, пережившие все ужасы гитлеровских концлагерей, что французы, англичане и прочие узники регулярно получали продовольственные посылки от Международного Красного Креста, и только наши бедолаги, возвращенные «под солнцем сталинской Конституции», ничего не имели, умирая от голода. А немцы им говорили (и на этот раз, кажется, даже справедливо):

– Мы не виноваты, что вы доходяги! Надо было вашему усатому подписать женевские протоколы, тогда бы и вы не шатались от голода. А теперь – вон помойка! Иди и копайся в ней. Что найдешь – все твое будет...

Хочется эту тему продолжить. Англичане не меньше нас, русских, любят свою родину, но даже их традиционный «джингоизм» (ура-патриотизм) никогда не мешал им сдаваться в плен целыми гарнизонами, и в Англии их за это не клеймили позором, за решетку их не сажали. Но у нашего вождя было иное мнение о всех военнопленных, весьма далекое от примитивного гуманизма. Дело дошло до того, что однажды де Голль сообщил Сталину, что его люди проникли в тот концлагерь, где сидел его сын Яков Джугашвили, и разведка де Голля бралась выволить его из неволи. Сталин на это предложение даже не ответил. Наверное, он и родного сыночка считал «изменником» (или «пропавшим без вести», как называли тогда всех, кто попал в плен).

...Прямо от стола гессенского зала «Фатерлянда», доев свои олады с подливкой, Паулюс вылетел на фронт. В полночь радист «юнкерса» принял из эфира депешу из канцелярии Геббельса, извещавшего Паулюса, что скоро прилетит в Харьков радиокomentатора Ганса Фриче, чтобы тот с места событий воспевал геройские подвиги его прославленной армии.

Паулюса на аэродроме в Харькове встречал верный Адам.

– Я уверен, – сказал ему Паулюс, – что фон Клюге, разыграв эту фальшивую операцию «Кремль», замаскировал внимание русских от наших южных направлений. Завтра мы и приступим...

Спал он очень мало, но рано утром в Красных Казармах Харькова, где когда-то размещались штабы Советской Армии, Паулюс сразу поднялся в оперативный отдел.

– Внимание! – распорядился он. – Прошу разложить карты большой излучины Дона, которая выгибается столь усердно, словно природа когда-то желала влить донские воды в Волгу.

Сразу засуетились десятки расторопных офицеров:

– В каком масштабе карты? В стратегическом?

– Нет. Сразу в оперативном. Уже в конце июля этого года мы должны быть в Сталинграде на Волге.

– Тогда прикажете готовить и карты Волги?

– Да, от Саратова до Астрахани. Я выбираюсь на черту, которую САМ и установил для вермахта два года назад... Внимание!

19. На пороге нашей победы

Итало Гарибольди, начернив усики и глядя на портрет Наполеона, с которым он не расставался с тех пор, как переболел триппером в Париже (еще до Первой мировой войны), уже входил в роль великого итальянского полководца. Проверив, как расположена на его груди гирлянда сверкающих орденов, он сказал:

– Такие вещи прощать нельзя! Затребуйте в Харьков выездную сессию военного трибунала, чтобы судить этого... как его? – Франческо Габриэли.

– Вот-вот! Этого негодяя надо расстрелять перед строем...

Вина берсальера Франческо была ужасна. Он сидел на завалинке избы в деревне Телепнево и ел огурец, украденный на ближайшем огороде, когда кто-то, проходя мимо, окликнул его:

– Опять жрешь. А сейчас твоего капитана Эболи шлепнули.

На это бравый берсальер встряхнул петушиным хвостом, украшавшим его каску, и, доедая огурец, изволил ответить:

– Ну и что? Одним меньше. Туда ему и дорога...

В бывшем клубе металлистов Харькова состоялся судебный процесс над Франческо Габриэли, где подсудимый оправдывался:

– Правда, ваша честь. Я не скрываю, что имел глупость произнести именно такие слова. Но как раз в этот момент я приканчивал огурец, и мой возглас «одним меньше» относился только к этому огурцу, а никак не к погибшему капитану Эболи, отдавшему жизнь за нашего короля и нашу славную партию.

– Вы тут не выкручивайтесь! – разъярились судьи. – Да, свидетели подтверждают, что вы ели огурец. Но после выражения «одним меньше» вы добавили слова «туда ему и дорога». Чем вы объясните свое предательское поведение?

– Правда, ваша честь, – сознался берсальер, начиная плакать. – Все так и было. Когда я увидел, что от огурца ничего уже не осталось, я сказал: «Туда ему и дорога!» При этом, ваша честь, я имел в виду свой ненасытный желудок, давно тоскующий по макаронам. Не мог же я запросы своего желудка сравнивать с геройской гибелью своего отважного капитана...

Суд вынес постановление: Франческо Габриэли намертво приковать к пулемету и посадить в обороне на самый опасный участок фронта, чтобы он отстреливался до последнего патрона. Ночью этот берсальер ушел к русским и утащил за собой пулемет. Там русские солдаты его расковали и накормили опять-таки огурцами, которых полно было тогда на брошенных огородах.

«Одним меньше!»

* * *

А здесь – тоже суд, и нам уж не до юмора. На скамье подсудимых – жалкий, затравленный человек.

Но суд военного трибунала безжалостен:

– ...гражданин П. А. Головченко, исполняя должность начальника вагонного депо сортировочной станции Сталинград-II, используя свое служебное положение, в первых числах мая сего года отцепил от воинского эшелона железнодорожную емкость-цистерну с авиационным спиртом, который и расходовал в корыстных целях. Исходя из законов военного времени гражданин П. А. Головченко приговаривается к высшей мере наказания – расстрелу! Подсудимого можно увести...

Чуянов ничего этого не знал, поглощенный повседневными заботами, которые обрушились на него со всех сторон, требуя ежедневных, ежечасных, ежеминутных решений. Первые бомбежки Сталинграда (начались еще в апреле) не нарушили городского ритма, зенитным огнем отстояли цеха заводов от попаданий фугасок, но Рихтгофену удалось высыпать вороха зажигалок на жилые кварталы Рынка, на рабочие поселки СТЗ. Фронт надвигался. Из станицы Вешенской, где проживал М. А. Шолохов, сообщали, что их бомбят непрестанно.

Воронин удивлялся:

– За что так достается станице Вешенской?

– Как не понять? Популярность Шолохова исключительная, лишиться его сейчас – нанести рану всем нам, а заодно и порадовать Геббельса... Вот и сыпят осколочными! Я недавно видел Михаила Александровича, – сказал Чуянов, – он в ужасном состоянии и, подобно многим казакам, отказывается понимать, как это случилось, что немецкие танки уже вылезают к тихому Дону.

– Я тоже не понимаю, – сознался Воронин. – Черт его задери – этот Барвенковский выступ! С него-то все и началось. Как говорится, «пошли по шерсть, а вернулись сами стрижены...».

В это время у нас в стране с доставкой горючего все было более или менее в порядке, не хватало только высокооктановых сортов авиационного бензина (его поставляли нам союзники с караванами – через Мурманск). Москва постоянно требовала от Астрахани и Сталинграда энергичнее перекачивать в верховья Камы запасы жидкого топлива – судами «Волготанкер» или нефтеналивными баржами. С трудом, но справлялись! Сама цифра вывоза невольно ужасала – десять миллионов тонн, в первую очередь следовало спасать высокосортные нефтепродукты (бензин и лигроин). В низовьях Волги уже не знали, куда сливать запасы нефти, поступающие из Баку в немыслимых количествах. Емкостей для хранения не было.

Алексей Семенович срочно вылетел в Астрахань, где увидел гигантские нефтяные озера в искусственных ямах. «Немецко-фашистская авиаразведка, – писал он в дневнике, – непрерывно ищет эти склады... подняли на ноги всех пожарников. Всякое может быть – и бомба, и удар молнии в земляной склад, а тогда катастрофа неминуема». Чуянова порадовало скорое создание многопролетного моста через Волгу под Астраханью – мост позволял «протолкнуть» длиннейшие эшелоны, застрявшие на путях Кавказа.

Домой возвращался на попутном истребителе, который все время забирал в полете правее, в калмыцкие степи, чтобы не напороться на немцев; подлетая к сталинградской Бекетовке, издали видели шапки зенитных разрывов – это девушки-зенитчицы отстаивали от пиратов Рихтгофена элеватор, мясобойни и здание Сталгрэса.

Алексей Семенович выискивал скрытые резервы города.

– А что делают наши трамвайщики? – однажды спросил он.

– Как что? Людей возят. На работу и обратно.

– Бездельники! У них там свое депо, свои мастерские и старые рабочие кадры. Пусть наладят производство гранат...

Над столом Чуянова – плакат: «Все для фронта, все для победы!» Кирпичные заводы Сталинграда уже выдавали взрывчатку – динамон марки «О». Чуянов вспомнил, что в вагонном депо задержали сдачу бронепоезда фронту: не хватало спирта, нужного для обработки металла. На звонок в депо дежурная ответила, что инженера Головченко теперь у них нет:

– Под статью подвели. Наверное, давно ходанули.

– Головченко? – оторопел Чуянов. – Под статью? За что?

– Не знаем. Дело тут темное, а мы люди маленькие...

Воронин сообщил из НКВД, что тюрьма уже переполнена:

– Провели облавы по вокзалам и пристаням, в очередях. Взяли всех, кто без документов. Спекулянтов, дезертиров, хапуг, жуликов, паникеров. В донских станицах каждую ночь ловят диверсантов. Посылаю туда истребительный батальон.

– Стоп! Сначала доложи – что там с Головченко?

– Отцепил, гад, цистерну со спиртом и угнал к себе в депо.

– Спирт-то он пил?

– Нет. Все трезвые.

– Живой?

– Не знаю.

– Приостановить действие приговора...

– Постой! Он же ведь сам во всем сознался.

– К вам только попади, так сразу сознаешься, что это я велосипед изобрел... А я знаю Головченко, это честнейший человек, трудяга. Не спорю, что увел спирт. Просто он напоролся на нашу бюрократию. Дело в депо стояло, а под боком торчала на путях и эта цистерна со спиртом. Вот и пошел на преступление. Но ради дела общей победы... Головченко я не отдам! Буду жаловаться.

– Семеныч, да кому жаловаться-то?

– Лично товарищу Сталину. Если ты, начальник областного НКВД, однажды отыскал целый эшелон с пушками, то почему бы другому эшелону не потерять одну цистерну со спиртом? Понял? Или не дошло?

Воронин, уходя, оставил ему вражескую листовку. «Сталинградские дамочки, готовьте свои ямочки» – так и было написано.

– Во, заразы, – ругался Чуянов. – Хоть бы постыдились. И где они поэтов находят... однако все в рифму.

Чуянов, весь в запарке, уже издерганный, позвонил в Воронеж – секретарю тамошнего обкома партии Тищенко:

– Владимир Осипыч, как там справляешься?

– А... никак! – донеслось из Воронежа. – У меня в городе уже двадцать два госпиталя. Эвакуированные. С детишками. С мешками. Голодные. На вокзалах – стон стоит. По улицам гонят колхозные стада. Коровы ревут, их не успеваем выдаивать. Элеваторы забиты зерном. Молоть уже некогда. Зерно самовозгорается. А тушить – вода. Значит, зерно сгниет. В холодильниках всего навалом. Начиная со шпика и кончая банками с камчатскими крабами. Вывозить? Так нет транспорта. А есть транспорт, так нет бензина. Лимит, братец, лимит! Мне кричат из Москвы: «Вывози, такой-сякой-немазанный...» А как?

Чуянов выслушал коллегу, посочувствовал, ответил:

– Только не гони беженцев ко мне – Сталинград не резиновый. Со скотом тоже не знаю, как быть... Бомбят?

– Не очень. Уже привыкли.

– Ну, жди! Ты ближе. Западнее... Пока!

Только отговорил с Воронежем, звонок из Астрахани:

– Семеныч, это я – Гольшев... Нас тут бомбами разнесли к чертям собачьим. В городе пожары. Деревяшки горят. Два часа без передыху садили по переправам. Водопровод не действует. Сидим без света. Но нефтехранилища уцелели... Мы тут сами диву даёмся: как немцы в самолетах сверху их не заметили?

Никак было не дозвониться в местный штаб ПВО, пришлось связаться с генералом Герасименко, начальником военного округа:

– Василий Филиппович, слышал ли? Астрахань уже разбомбили. Я на днях летел оттуда, так с высоты видел нефтяные ямы – они сверху как зеркала. Понимаю. Одеялом не закроешь. Но ты подумай сам: нужны ли над нефтехранилищами аэростаты? Что? Отпугивать врага? А

может, наоборот, они привлекают? Эти «колбасы» и у нас в Сталинграде точно показывают немцам, где мы храним все свое горючее... Ладно. Ты зайди ко мне.

А потом думал: «Ну ладно – нефть. А как замаскировать от летчиков огненное зарево мартеновских печей? Ведь ночные бомбардировщики видят их пламя за многие мили и летят, как мухи на патоку... Чем тут закроешься?» Из Вешенской сообщили, что немецкая авиация недаром кружила над станицей: вчера бомба разорвалась как раз во дворе дома Шолохова:

– Мать писателя погибла. Михаил Александрович страшно переживает. Семью он потерял. Наверное, после похорон выедет к вам. Вы уж как-нибудь утешьте его... Ладно?

Вскоре Чуянова навестил командующий округом Герасименко:

– Жарко, Семеныч. А я к тебе... по важному делу.

– Садись. Я тоже замотан. Ну, что у тебя?

– Понимаешь, – начал Герасименко, прищелкнув пальцами для полноты впечатлений, – у нас в гарнизоне полно девах разных. По мобилизации. Ну, и добровольно. При зенитных батареях служат.

– Ну как же! Знаю. Уважаю.

– Уважения мало, – сказал командующий. – Их еще и одеть надо. У них там все по вещевому аттестату: гимнастерки, шапки, ватники... Все есть, сам понимаешь, но для девок этого мало.

– Так чего же им еще не хватает?

– А куда прикажешь титьки девать?

– Какие титьки? – совсем обалдел Чуянов.

– Самые обыкновенные. И нуждаются наши зенитные батареи как раз в том, что в вещевом аттестате солдату не предусмотрено.

– А что там?

– Нужны бюстгальтеры, а в наших магазинах, я уже пошукал, одни барометры для измерения атмосферного давления да еще вот такие громадные щипцы для завивки волос – и все!

– Слушай, дорогой, где я тебе бюстгальтеров наберу?

– Твое дело. Хоть тресни, а достань, – заявил Василий Филиппович. – Это еще не все: девка – организм сложный, на солдата мало похожий. Как хочешь, а каждый месяц ей по куску ваты давай... опять же в вещевом аттестате не предусмотрено, чтобы солдата ежемесячно ватой снабжали.

– Ну ладно, – сказал Чуянов. – Пошурую. Может, найду... Ах, Боже мой, какие мы, Филиппыч, все убогие да бедные. И ни хрена у нас нету. Чего ни коснись – все проблема...

Герасименко ушел. На пороге кабинета возник солдат штрафного батальона, бывший инженер вагонного депо П. А. Головченко:

– Пришел проститься перед отправкой... Спасибо, Алексей Семеныч, что не дали пропасть, как собаке. Штрафбат тоже не сахар, сами понимаете. Но тут хоть честно – до первой крови. А уж крови не пожалею. Войница тут такая пошла...

Чуянов вышел из-за стола, обнял штрафника:

– Ты меня тоже прости. Если б мы умели работать как надо, тебе не пришлось бы воровать по ночам цистерны со спиртом... Хорошо, что зашел. Давай, брат, по стакану тяпнем перед разлукой. Так уж положено на святой Руси. Закуски, правда, нет, да и хрен с ней, рукавом утремся. – Выпили, утерлись, помолчали. – Куда ты теперь? Далеко ли? – спросил Чуянов.

– Да нет. Это раньше на войну далеко ходили... Вон Суворов аж в Италию забрался. А теперь... завтра уже буду в окопах!

Чуянов показал инженеру немецкую листовку: «Сталинградские дамочки, готовьте свои ямочки».

– Во какая поэзия у нас поехала. Хоть плачь, хоть смейся. Оказывается, Паулюс-то уже двадцать пятого июля обязан выйти к Волге, вот и нажимает на Дону. Но Сталинград не сда-

дим. Верю, что наш красноармейский ансамбль песни и пляски под управлением товарища Александрова еще споет и спляшет в Берлине...

– Я до Берлина не дойду... ухайдакают меня здесь, на пороге родного дома. Так что это хорошо, что мы выпили. В разлуку вечную. Ну ладно. Пора идти.

Головченко повернулся и ушел воевать – недалеко, здесь.

С улицы раздался трубный рев – это служители зоопарка повели к Волге купаться слонику Нелли.

* * *

– Я надеялся, – говорил Паулюс, – что между сериями кратких блицкригов возникнут промежутки оперативных пауз, дающие нашей армии передышки. Но эти редкие паузы русские заполняют плотным сопротивлением, и потому война с Россией не даст нам времени, чтобы отдохнули наши кости и мышцы. Мне представляется, что урок, полученный Тимошенко под Харьковом, оказался внушительным, и сейчас Тимошенко ведет себя осторожнее, обращается с нами так, будто мы драгоценная хрустальная ваза.

Эти слова Паулюс высказал перед Иоахимом Видером, офицером его разведки; сын католического священника, он импонировал Паулюсу своей набожностью, считая себя на войне участником какого-то адского шабаша, в котором и сам он, Иоахим Видер, тоже повинен. Сейчас он, отвечая командующему, высказал мысль о том, что Тимошенко, давно загипнотизированный штурмом «линии Маннергейма», многому научился:

– У нас, у немцев! В боях под Харьковом маршал, кажется, хотел бы окружить нашу армию, используя те приемы «раковых клешней», что принесли вермахту успех в сорок первом... Но у русских явно не хватило нашего громадного опыта по окружению противника и нашей отличной организации.

Паулюс согласился с Видером, но не во всем:

– Пожалуй, Тимошенко стал осторожнее в обращении с нами, но я не заметил новизны в его тактике, сейчас он будет отступать, чтобы сберечь остатки того, что у него сохранилось...

В штабе его ждало письмо из Бухареста – от шурина Розетти-Солеску, пострадавшего за участие в заговоре против диктатуры Антонеску. Паулюс просил зятя не проговориться об этом:

– Жена очень любит своего брата, ее огорчит крах его камергерства при дворе короля Михая... Антонеску, между нами говоря, сущий спекулянт: он уже понял, что без его нефти в Плоешти нашему фюреру не разжечь даже примуса. И потому Бухарест набивает цену – на себя и на свою нефть... Конечно, пока мы не выбрались к промыслам Майкопа, мы будем всегда зависимы от этого пройдохи с повадками опереточного шулера!

– Но фюрер, – отвечал барон Кутченбах, – к Антонеску относится хорошо. Пожалуй, намного лучше, чем к Муссолини.

– Не спорю, – согласился Паулюс. – Но, будь в Италии залежи нефти, он бы облизывал под хвостом и Муссолини...

Этот разговор возник неспроста. Паулюс всегда интересовался румынскими делами, и не только потому, что был женат на румынке, но еще и по той причине, что румынские войска входили в подчинение его 6-й армии. Правда, немцы относились к союзникам пренебрежительно. «Макаронники хуже румын, – говорили они, – а кукурузники хуже макаронников». Как бы ни старался Антонеску угодить Гитлеру, поставляя ему по дешевке нефть и своих солдат, румыны всегда испытывали уважение не к немцам, а именно к русским, и эти чувства они переняли от своих дедов и прадедов, которые всегда видели в России свою защитницу, не раз выручавшую их в османской неволе. К своим офицерам румынские солдаты не питали особого почтения, а социальные перегородки сказывались даже в еде: если в германском вермахте солдаты и офи-

перы кормились из одного котла, то в армии Антонеску офицеры питались за особым столом, и этот стол был намного лучше солдатского. Может, по этой причине Паулюс неохотно посещал румынские части, чтобы не встречаться с недоверчивыми взглядами румынских солдат.

Паулюсу было известно, что говорили румынские солдаты: «Я боюсь сдать в плен, русские посадят нас за колючую проволоку вместе с немцами, и тогда немцы отберут у нас последний кусок хлеба...»

Паулюс давно покинул тихую Полтаву и со всеми штабами армии переместился в Харьков, где на площади Дзержинского разместился с зятем в двухкомнатной квартирке. На кухне барон Кутченбах, скинув мундир эсэсовца и повязавшись передником, жарил на сковородке оладьи и варил кофе для своего тестя. Все это создавало обстановку некой семейственности. А по утрам зять брился перед зеркалом, тихонько мурлыча по-русски:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся советская земля...

В постоянном общении с зятем Паулюс уже начал осваивать трудности русского языка; пусть даже коряво, но все же иногда он пытался вступить в разговоры с местными жителями. Между Паулюсом и зятем однажды возникла некоторая зловещая недоговоренность. Началось с пустякового вопроса Кутченбаха:

– Насколько вредны выхлопные газы танковых моторов?

– Не советую вдыхать. Это такая зараза, что любого из нас свалит в госпиталь с очень стойким отравлением легких.

– А куда списывают старые моторы танков, которые исчерпали свои технические ресурсы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.